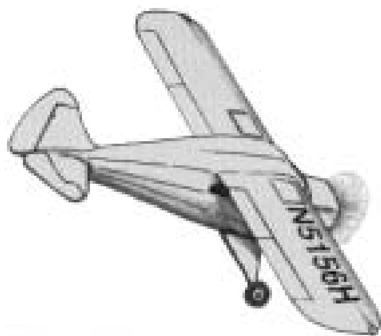

Давид и Нетти Джексон
Операция «Аука»
N5156H
Пути Божии
Нейт Саинт

Давид и Нетти Джексон

Операция «Аука»

CLV
Christliche
Literatur-Verbreitung e.V.
Postfach 11 01 35 · 33661 Bielefeld

Название оригинала: The Fate of the Yellow Woodbee –
Unternehmen Auca (Nate Saint)

Postfach 110135, 33661 Bielefeld
Internet: www.clv.de
Типография: Ebner Ulm

ISBN 3-89397-479-2

Содержание

Южная
Кито
Эквадор
Напо
Палм-Бич
Араюно
Курарай
Качуа
Тиваено
Шелл Мера
Аука
Пастаца
Дживаро
Америка
С

Предисловие

Настоящее имя индейцев, о которых рассказывается в этой книге, ваорани. Так они сами называют себя. Мы заменили его словом «аука», чтобы в книге не было путаницы, так как под этим именем они известны сейчас во всем мире. Нива, Дабу и Мойпа — настоящие имена племени аука, но сами герои вымышленные. Все другие персонажи книги реальны. Ручной попугай был обучен Минкаем.

Чтобы упростить описание, не совсем точно указаны названия местности, например, место, где жили миссионеры, когда планировалась и осуществлялась операция «Аука». В книге описано, что большинство вылетов было сделано с базы Шелл-Меры. В действительности последние вылеты совершались с базы Араюно.

Была предпринята попытка сделать понятной для читателя структуру языка аука, и все же некоторым покажутся странными диалоги на их языке.

Спасен деревянной пчелой

Внезапная тишина заставила Ниву посмотреть вверх, на верхушку высокого бальзамового дерева. Перестали кричать сверкающие разноцветные попугаи, затихли громко ссорящиеся обезьянки.

— Ш-ш-ш! — шепнул он своим товарищам. — Там кто-то идет.

Мальчики неподвижно стояли на середине неглубокой речки, и солнечные лучи падали на них, пробиваясь сквозь темно-зеленые листья деревьев. Наготове они держали свои копья. Каждый из них вглядывался темными глазами в чересчур молчаливые джунгли... Все, кроме Мойпы. Он увидел тень толстого сома, лениво плывущего над песчаным дном. Мойпа не мог сдержаться. Со всей силой он бросил копье в рыбу.

— Бару! — крикнул он. — Я поймал его!

Он побежал вперед по воде. Но не успел он сделать и трех шагов, как двое мужчин спрыгнули с высокого глиняного обрыва противоположного берега и побежали навстречу мальчикам.

— Бежим! — крикнул Нива. — Они пришли с низовьев реки. Они убьют нас!

Брызги летели во все стороны, когда босые коричневые ноги

неслись по воде. Нива ухватился за ветку, ловко взобрался на ствол дерева, склоненный над водой, и побежал в джунгли. Тут он услышал крик Мойпы и спрятался за бамбуковым деревом. Оглядевшись вокруг, он не увидел своего друга. Пробежав немного назад, чтобы прийти ему на помощь, он увидел другого мальчика, бежавшего вверх по реке. В ноге у него торчало копье. Один из мужчин преследовал мальчика и готовился бросить другое копье.

— Бару! Бару! — закричал Нива.

Мальчик ничем не мог помочь своему другу. Он повернулся и побежал к своему селу. Он не отважился возвратиться, но даже если бы и вернулся назад, то никому не смог бы помочь. Все аука из его деревни Тиваено жили в страхе перед людьми с низины. Если он вернется, то они убьют его.

Нива бежал и бежал через заросли джунглей. Ноги его обжигала крапива, а колючки царапали тело. Он вскарабкался по отвесному склону, чтобы как можно быстрее уйти от реки Курарай. Отправившись утром на рыбалку, мальчики прошли немалый путь. Угроза нападения соседнего племени была постоянной, так как они всегда жили во вражде. Но уже несколько месяцев не было убитых, и в их селе уже не так строго соблюдали меры предосторожности. Мальчики тоже ушли далеко от своего дома на берегу реки Тиваено.

Достигнув вершины, Нива побежал в западном направлении по узкой глиняной дорожке, тянущейся вдоль гор и отделяющей реку

Курарай от Тиваено. Сердце учащенно билось, задавая ритм его ногам, бегущим по джунглям. Прерывистое дыхание со свистом, как ветер перед грозой, вылетало из груди, и ему ни в коем случае нельзя было останавливаться. Может, преследователи уже настигают его?
Вдруг он увидел в мягкой глине рядом с дорожкой следы ягуара. Нива замедлил свой бег и оглянулся по сторонам. Он попробовал отдышаться. Его не так легко запугать. Он заметил, что следы направлены прямо на него.

Если хищная кошка не бегает по кругу, то она убежала в другом направлении. «Может, она поймает наших врагов?» — подумал он. Во всяком случае, он не мог больше ждать. Возможно, впереди опасность, но сзади приближается верная смерть от врагов. Он должен торопиться и предупредить людей в своем селе. Он пустился бежать на юг, пока не наткнулся на знакомую охотничью делянку.

Теперь Нива был уже недалеко от реки Тиваено. Он сбежал со склона по вьющейся змейкой тропинке и с трудом пересек бурный поток Тиваено, на берегу которого находилось его село. Вконец обессиленный, он вскарабкался по заросшему берегу на равнину, которая окружала село.

— Помогите! Люди за рекой напали на нас! — крикнул он. — Если мы замедлим, они могут неожиданно прийти в село.

— Если они гнались за тобой, — сердито проворчала беззубая старуха, потягивая банановый сок из тыквенной корки, — зачем ты снова пришел сюда? Ты же приведешь их прямо к нам.

Она плюнула в костер, горящий перед ней.

— Точно! — поддержала ее другая женщина.

— Иди прочь! Мы не хотим видеть тебя здесь. Иди назад, в джунгли!

Нива не обращал на них внимания. Он заглянул в некоторые большие дома. В каждом из них жили по четыре или пять семей. Рядом был костер, на котором готовили пищу. Но все дома были пусты.

— Мужчины ушли на охоту! — сообщили

малыши. — Только Гикита здесь, потому что он заболел. Он лежит в своем гамаке.
Нива побежал к дому Гикиты. Как и другие дома в селе, он состоял из большой крыши из пальмовых листьев с подпорками, без стен. Хотя Гиките было всего сорок лет, он был один из старейших людей в селе. Мужчины племени аука не живут долго из-за войн между племенами и вражды в собственных деревнях. Нива нашел Гикиту в его гамаке. Глаза его были закрыты, и выглядел он очень больным.
— Гикита! Гикита! Люди с низовья реки напали на нас, когда мы ловили рыбу. Ты должен прийти и помочь нам.
— На нашей реке Тиваено? — спросил недовольно Гикита, сверкнув глазами.
— Нет, не на Тиваено. На Курарае, большой реке под горой.
— Тогда оставь меня в покое, — резко вымолвил он. — Я слишком болен, чтобы сегодня что-то предпринимать. Не тревожь меня. Может, завтра мне будет лучше, и тогда мы сможем убить несколько человек с низовья.
Нива оставил Гикиту и пошел искать кого-нибудь из своей семьи. Нампа, его старший брат, пошел с мужчинами на охоту. Его сестра ГиМэри — ну, она может быть где угодно. Но его мать, наверное, точно на реке — она делает глиняные горшки. Она делает новые горшки каждый день. Когда он проходил мимо других домов, женщины снова крикнули ему:
— Иди назад в джунгли, а то ты приведешь сюда людей с низовья!

— Если бы мужчины были дома, — кричала одна, — они убили бы тебя, потому что ты возвратился назад. Уходи прочь!

Она взяла дымящуюся головешку и побежала за Нивой. Даже его тетя Минтака приняла участие в преследовании. Размахнувшись, она кинула ему вслед острый мачете[1].

В этот момент Нива увидел свою мать, которая шла домой. Как и все взрослые в деревне, она носила в ушах большие круглые деревяшки, свое единственное украшение. На спине она несла грубый холщовый мешок с глиняными горшками.

— Мама! — крикнул Нива.

— Нива, что случилось? — испуганно воскликнула она, увидев, что его преследуют. — Быстрее, Нива, быстрее! — И она побежала ему навстречу.

Вьющиеся стебли маниоки обвивали его ноги, когда он мчался через деревенский сад. Он чувствовал себя совсем маленьким, ища защиты у своей матери. А ведь ему было уже одиннадцать лет, и он сам уже должен был защищать свою мать.

— Что вы делаете? — спросила мать обеих женщин, которые остановились посреди зарослей маниоки.

— Скажи своему сыну, чтобы он не возвращался в наше село, пока его преследуют люди с низовья, — сказала женщина с горящей головёшкой в руке, и бросила ее в Ниву.

[1] Мачете — большой и острый садовый нож.

— Неужели вам все равно, что случилось с Дабу, Мойпой и с другими? — воскликнул Нива.
Он стоял за своей матерью, прерывисто дыша.
— Во всяком случае, они не были такими глупыми, чтобы возвратиться домой, — сказала его тетя Минтака.
— Да, но я думаю, что Мойпа ранен, — сказал Нива. — Я слышал его крик. Может, он уже мертв. Может, они все убиты!
— Тогда мы завтра пойдем к ним и убьём когонибудь из них, — сказала тетя. — Если мужчины не пойдут на охоту, — добавила она.
— А теперь исчезни отсюда! — Минтака снова подняла мачете и двинулась к мальчику.
Именно в этот момент Нива услышал громкий рокот с неба. Он посмотрел вверх и увидел подобие большой желтой птицы.
Его тетя тоже остановилась и посмотрела вверх.
— Это деревянная пчела, — сказала она, и панический страх отразился на ее лице, — деревянная пчела с ководи внутри!
Обе женщины повернулись и побежали со всех ног назад в село.
— Деревянная пчела, деревянная пчела! — кричали они и показывали в небо.
Даже мать Нивы последовала за ними, не обращая внимания на своего сына.
Нива несколько минут смотрел на желтую птицу, а потом пошел к старому высокому бальзамовому дереву, стоявшему посреди зарослей маниоки. Оно было выше всех в селе, и осталось посреди сада, так как его слишком трудно

было выкорчевать. Нива залез на самую верхушку, чтобы быть ближе к деревянной пчеле. У него не было страха, он был доволен, что эта удивительная желтая птица спасла его от озлобленных женщин. К тому же ему хотелось получше разглядеть ее.

С высоты он видел, что в деревне все женщины и дети были в панике. Они кричали друг другу:

— Деревянная пчела! Это деревянная пчела!

Многие смотрели вверх, другие убегали в дома. Нива не раз видел на ветках деревьев в джунглях насекомых, которых называли деревянными пчелами. Но они не были желтыми и не были такими большими. Он вспомнил рассказы взрослых об огромных деревянных пчелах. Они говорили, что они такие громадные, как маленькие дома, и, по всей вероятности, у них в животе находятся ководи. Ководи — неужели действительно есть белые люди-каннибалы? Ниве трудно было поверить в это. Если они действительно есть, то наверняка не являются каннибалами. Нет, если белые люди едят других людей, тогда они еще хуже людей с низовья. И к тому же Ниве казалось, что эта деревянная пчела спасла его от тетиного мачете. Он пристально смотрел, не увидит ли он ководи в животе этой птицы. Деревянная пчела сделала несколько кругов. Глядя на ее медленный полет, он понял, что она, должно быть, очень большая. Он никогда еще не слышал такой громкой птицы. Эта махина не могла быть насекомым, пчелой.

— Нет, это, видно, такая птица.

Пока Нива смотрел, деревянная пчела развернулась и улетела над вершинами деревьев. Нива сел на ветку и посмотрел в село. Солнце жгло его темную кожу. Вскоре он увидел, что женщины и дети вышли из своих домов. Они оживленно переговаривались между собой. Он решил, что все уже забыли про него, и он может вернуться в село. Там он будет в безопасности.

Но, вспомнив женщин, которые гнали его, он задумался. Ему было обидно от такой несправедливости, но в его племени было столько убийства и насилия!.. Если муж ссорился с женой, то он мог убить ее. Если двое враждовали, то один из них мог убить другого или еще кого-то во время сна. Даже дети не были в безопасности. Иногда ему хотелось убежать — убежать от этой жизни, полной террора и насилия. Но... куда ему уйти? К кому ему пойти? Есть ли где-нибудь такое село, где все мирно живут между собой?

Операция «Аука»

Нейт Саинт постучал пальцами по прибору, показывающему наличие бензина в бензобаке, расположенном в правом крыле желтого одномоторного самолета. Летчик-миссионер знал, что бензин из левого крыла уже израсходован. Показания прибора не изменялись. «Осталось уже немного», — установил он и натянул свой летный шлем на густые светлые волосы. Он посмотрел вниз на непроходимые джунгли.

Он привык громко разговаривать, даже если летел один. Так он общался сам с собой. А если на задних местах сидели пассажиры, ему тем более приходилось громко говорить, чтобы перекричать шум мотора.

Молодой пилот повернул руль управления влево и затем вправо. Машина сделала длинный вираж, и он мог тщательней осмотреть местность под собой. Все еще не видно было села дживаро, где ждал его друг, миссионер Роджер Юдериан с медикаментами.

Нейт искал в джунглях село с посадочной полосой невдалеке, которую сделали индейцы с помощью Роджера. Несколько дней назад Нейт уже летел над этой деревней, когда посадочная полоса была уже почти готова, и не мог теперь понять, почему он не может найти ее.

Было послеобеденное время. Чистый воздух обеспечивал хорошую видимость, но

Нейт не заметил ни одной даже самой маленькой просеки.
Наконец он увидел рядом с коричневой полоской тоненький дымок. «Река», — подумал он, обнаружив вскоре на берегу небольшую поляну с домиками под камышовыми крышами.
— Благодарю Тебя, Господь, — громко сказал Нейт.
Он натянул на голову наушники и взял микрофон, чтобы сообщить обо всем увиденном своей жене. Мэри Саинт обслуживала радиостанцию на миссионерской станции Шелл-Мера. Он щелкнул два раза и сказал:
— Здесь пятьдесят шесть Генри, я в двух минутах лёту от магазина Джимми. — На крыльях вертолета был написан номер Н 5156 Г. «Магазин Джимми» служил кодом для нефтяных компаний, прослушивающих разговоры, чтобы они не знали о местонахождении миссионеров. Миссионеры не хотели рисковать, опасаясь, что люди со стороны могут использовать их контакты с примитивными племенами в своих корыстных целях.
— Пятьдесят шесть Генри, — я в двух минутах лёту от магазина Джимми, — повторил Нейт.
— Перехожу на приём.
Радио громогласно зашумело в наушниках Нейта, и он услышал голос своей жены:
— Роджер, пятьдесят шесть Генри. Роджер ждет тебя.
Облегченно вздохнув, Нейт снял наушники и направил машину к селу на берегу реки. Но когда он подлетел к нему, то не увидел поса-

дочной полосы. Он сделал круг над селом и обнаружил, что дома здесь построены совсем по-другому. Это не было село индейцев дживаро или племени качуа. Без сомнения, это было совсем не то село, где ждал его Роджер.

Он сделал узкий вираж своим маленьким желтым самолетом. Если это не село дживаро или качуа, то это должно быть село аука.

Нейт и другие миссионеры, с которыми он работал в джунглях Эквадора, часто говорили о том, чтобы найти племя аука, которого все боялись. Ведь они тоже нуждаются в Евангелии, как и все другие люди. Но ни один белый, имевший контакт с ними, не вернулся оттуда, чтобы рассказать о них. Так продолжалось еще с XVI столетия, когда были убиты испанские захватчики, захотевшие пересечь их владения. В 1667 году был убит мечом Педро Суарец, миссионер из иезуитов, когда пытался создать миссионерскую станцию на их территории. В XIX столетии пришли золотоискатели и охотники за каучуком. Они убивали или делали рабами индейцев, которых встречали. Но и они часто становились жертвами людей из племени аука. Сейчас, в XX столетии, было убито еще больше людей, которые искали здесь нефть.

Индейцы качуа, жившие рядом с ними, страшно боялись племени аука. Слово «аука» означает на языке качуа «дикий». Даже дживаро, охотники за головами, старались держаться от них подальше.

Нейт видел, как внизу женщины и дети убегали, ища защиты, в свои дома без стен. Но посреди поля он увидел мальчика, который не убегал. Мальчик залез на дерево и наблюдал за самолетом. Нейт открыл окно и помахал ему, но мальчик никак не отреагировал.

«Да, эти аука на самом деле выглядят дикарями, как и пишут о них», — подумал он.

Маленький мотор несколько раз заикнулся и чихнул, а потом снова послышался знакомый рокот. Он вздрогнул — видно, в бензин попала капля воды. Но это совсем не то место, где он должен сесть. И если бы у него случилась здесь авария, то его, вероятно, встретили бы с копьями. Зато он нашел одно из сёл аука! Он закрыл окно и набрал высоту, чтобы запомнить это место и снова вернуться сюда. Он еще раз посмотрел на показания… стрелка угрожающе приближалась к красной линии. Нужно скорее улетать отсюда!

У Нейта Саинта в Шелл-Мере осталось трое детей. Жизнь пилота-миссионера в джунглях всегда полна опасностей, и он старался избегать лишнего риска. Поднимаясь все выше, он сознавал свою ответственность. Были люди, которые зависели от него, например, его маленькая Кати, которой исполнилось недавно семь лет, и малыш Филипп, и пятилетний Стив, махавший ему сегодня утром, когда он улетал. Он улыбнулся, вспомнив Стива с его светлым чубом, блестевшим в утренних лучах солнца, который всегда рад был помахать

своему папе — все равно: улетал он или приземлялся.

Далеко на горизонте Нейт заметил черное дымовое облако. Пилот встряхнул головой, чтобы обрести ясность мысли. Это должна быть

та деревня, где ждет его Роджер. Может, он услышал шум мотора его машины и зажег сигнальный костер с черным дымом, чтобы показать ему направление. Ни один индеец не будет так бесцельно коптить.

Нейт посмотрел на компас, а затем вокруг — на горы и другие заметные ориентиры. Ему становилось все тяжелее на сердце, но вскоре он понял, где находится.

— Не может быть, — громко проговорил он.

Как он мог так сильно отклониться от курса? Ведь он был отличным пилотом и уже более сотни раз пролетал над джунглями. Что же случилось?

Через несколько минут Нейт был уже над деревней, где ждал его Роджер. Посадочная полоса выглядела довольно плохо, но он решил все же попробовать. В начале посадочной полосы он задел высокое дерево, но, в конце концов, колеса коснулись земли.

— Как я рад видеть тебя! — улыбнулся долговязый молодой человек с растрепанным темным чубом, когда пропеллеры застопорились, и Нейт вышел из желтого самолета. Роджер похлопал Нейта по плечу.

— Я тоже рад видеть тебя, но дела у меня плохи, — хрипло ответил. Нейт. — У меня топливо на исходе. У тебя еще остался бензин, который я оставил тебе для заправки ламп?

Они выгрузили давно ожидаемый медицинский аппарат, и Нейт помог Роджеру сделать уколы пенициллина всем жителям, заболевшим горячкой. После этого он осторожно перелил

бензин из канистры в бензобак. Наконец оба миссионера поднялись по неровной посадочной полосе и взяли курс на Шелл-Меру, где их ждали Мэри и жена Роджера Барбара.

Вечером с ними за столом сидели Джим и Элизабет Эллиот, Эд и Мэрилоу Мак-Килли и Пит Флеминг со своей женой Оливе. Нейт подробно рассказывал им о своем необычном полете.

— Когда я последний раз сбивался с курса? — спросил он.

Все пожали плечами. Никто не мог вспомнить, чтобы с Нейтом когда-нибудь случалось такое.

— А сегодня, когда я поехал за Роджером, я заблудился.

— Заблудился? — переспросил Джим Эллиот. За его приятной внешностью и очаровательной улыбкой скрывался очень серьезный молодой человек. — Что ты имеешь в виду? Ты же вернулся назад.

— Да, — ответил Нейт, — но не раньше, чем я нашел то, что должен был найти.

— Что ты хочешь этим сказать? — с нетерпением спросила жена Джима Элизабет. Ее рука с вилкой застыла на пути ко рту.

Нейт рассказал, как он нашел деревню племени аука.

— У меня такое предчувствие, что Бог позволил мне уклониться от курса именно в том направлении, где я мог найти село аука.

— Друзья, я всегда говорил, — восторженно воскликнул Джим Эллиот, — что мы все-таки найдем этих людей. Нейт, я вполне поддер-

живаю тебя. Я тоже верю, что Господь хотел, чтобы мы нашли их. Пришло время, чтобы и им принести Евангелие.
— Если мы не принесем им Благую Весть, то нефтяные компании опередят нас и, боюсь, уничтожат их, — сказала Элизабет.
— Эти дельцы и так уже теряют терпение. Каждый раз, когда они пытаются исследовать район проживания аука, им оказывают сопротивление. Они этого не потерпят. Уже сейчас они штурмуют эквадорское правительство, чтобы им дали право занять эту территорию и истребить всех, кто им мешает. Вы же знаете, что это значит — большинство аука будут убиты.
— О, я еще что-то вспомнил, — сказал Нейт.
— Вы слышали о женщине аука, что работает на гасиенде[2] в Дон-Карлосе?
Большинство миссионеров покачали головой.
— Итак, — продолжал Нейт, — примерно восемь лет назад одна женщина аука пришла из джунглей и искала убежища на гасиенде. По всей видимости, ее должны были убить из-за... Ну да, кто его знает.
— Фу! — произнес Пит Флеминг. — Кажется, что эти люди из племени аука ничего другого не делают, как только убивают, и если не чужих людей, то друг друга. — Он задумчиво снял очки и потер глаза.
— Это еще одна причина, почему мы должны принести им Евангелие, — заявил Нейт. —

[2] Гасиенда — Южно-Американская фирма.

Впрочем, моя сестра Рахиль познакомилась с этой женщиной. Ее зовут Даума, и Рахиль понемногу учит ее язык.
— Язык! Это именно то, что нам нужно, — сказал Джим. — Это будет ключом к успеху встречи.
— Значит, нет никаких сомнений, — сказал Эд Мак-Килли и положил руку на плечи своей жены Мэрилоу, которая ожидала ребенка. — Бог подготавливает нас, чтобы мы пошли к ним, но как это сделать? Найти их с воздуха и иметь общение с беженкой, которая уже долгое время не живет с ними, — это одно, но иметь с ними встречу на их земле — это очень рискованно.
— Может быть, — взволнованно произнес Нейт, — это только первые шаги. Нам нужен план операции «Аука».
— Операция «Аука», — улыбнулся Пит и снова одел очки. — Неплохо звучит. Но лучше все держать в тайне. Если кто-то узнает об этом, то правительство может воспрепятствовать нам, или нефтяные компании попытаются вторгнуться туда и разрушат весь наш проект.

Удивительные подарки

Мальчик аука довольно долго сидел на дереве среди зарослей маниоки. После того как улетела деревянная пчела, женщины из деревни его больше не тревожили.

Нива стал думать: «Может, деревянная пчела прилетела, чтобы спасти меня? Может, эти белые люди совсем не такие страшные?» Он надеялся, что они летели в животе деревянной пчелы и что она снова прилетит. «Я теперь буду смотреть», — решил он про себя.

Наконец он слез с дерева. Придя домой, он дал банан своему ручному попугаю. Птичка поднимала и опускала свою красивую зеленую головку и бегала по своей жердочке взад и вперед. Хорошо, хоть птичка не сердилась на него. Тут Нива обнаружил на полке, находящейся над костром, кусок копченого обезьяньего хвоста и начал жадно есть. Он с раннего утра ничего не ел.

Повсюду, куда бы он ни приходил, в каждом доме, у каждого костра была одна тема разговора: появление желтой деревянной пчелы. Что бы это значило? Почему она прилетала? Может, опять назревает какой-нибудь конфликт с белыми — с чужими?

Никто не спрашивал его о нападении на мальчиков, которые ловили рыбу на реке Курарай. Казалось, что это никого не интересовало.

Уже к вечеру Дабу, спотыкаясь, пришел в деревню. На его руке висел Мойпа. Мойпу ранили в плечо, он потерял много крови и постоянно терял сознание. Мать помогла ему залезть в гамак, но, вместо того чтобы спросить, что случилось, она снова и снова рассказывала ему о деревянной пчеле. Скоро он снова впал в глубокое забытье, и она оставила его одного.

Как только Нива остался наедине с Дабу, он спросил его:

— Что случилось с другими мальчиками? Им удалось спастись?

— Я их не видел, — ответил Дабу и с гневом стиснул зубы. — Из последних сил мы доплелись домой. Что тут говорят о какой-то деревянной пчеле? Неужели никто не будет мстить за то, что на нас напали?

Вечером с охоты вернулись мужчины. Они несли большого тапира, привязанного к бревну. Но вместо того чтобы хвалиться успешной охотой и радоваться мясу, которого хватит на несколько дней, разговор тут же зашел об удивительной деревянной пчеле.

На землю спустилась ночь. Двое мальчиков, которые также пошли ловить рыбу, домой еще не вернулись. Нива и Мойпа были уверены, что они были убиты.

Гикита, который все еще страдал от болей в животе, сидел у главного костра и говорил:

— Это место становится для нас опасным. Я думаю, что мы должны оставить Тиваено. Если ководи нашли нас, то они скоро снова придут

и убьют нас своим оружием, стреляющим огнем. Мы должны переселиться на другое место.
— Нет, — возражали другие. — Что может нам сделать деревянная пчела? Мы уже и раньше видели их.
— Я не верю, что в ее животе сидят белые каннибалы, — сказала Акаво, мать Нивы.
— Это всё из-за того, что ты не хочешь видеть правду, — проворчала женщина помоложе, которую звали Уми. — Твоя Даума уже давно убежала к ководи и, видно, ее съели в тот же день. Ты не хочешь верить этому, так как она твоя дочь. Посмотри правде в лицо!
— В лицо! В лицо! — повторил попугай Нивы на своей жердочке.
— Да замолчи ты, ужасная птица! — закричала Акаво и повернулась к Уми с громкими причитаниями. — Даума убежала, потому что Вепе хотел убить ее. Ведь она же твоя двоюродная сестра, неужели тебе всё равно?
— Какая разница? — пожала плечами Уми.
— Я все же думаю, что мы должны оставить Тиваено, — утверждал Гикита.
— В лицо! В лицо! — повторял попугай. — Разъяренная Акаво обернулась и швырнула в птицу глиняной тарелкой.
С громким криком попугай отпрыгнул в сторону и сел на голову Ниве. Нива встал и пошел. Что могут изменить все эти разговоры? Убийства будут продолжаться, но он не верил, что в этом будет виновата деревянная пчела.

N5156H

Через несколько дней Нива проснулся очень рано. Над селом царила тишина. Даже ручные попугаи или пойманные обезьянки не издавали ни звука. Мальчик одним рывком выскочил из гамака, осторожно прошел мимо четырех подвесных коек, где спали под одной крышей четыре семьи, и вышел на улицу. Над джунглями висел густой туман. Не видно было даже верхушек деревьев. Вместо того чтобы подниматься вверх и развеиваться на ветру, от некоторых костров стелился дымок подобно тому, как по траве скользит змея.
Начинался день, который из-за последующих событий, пробудивших маленькое общество, стал необычным и знаменательным.
Нива пошел в сад и сел на пень. У него было такое чувство, будто что-то должно измениться. Когда он так сидел, то услышал странный шорох. Вначале это был отдаленный гул, который был едва слышен. Но гул все нарастал. И вдруг Нива понял: это была деревянная пчела очень далеко и высоко в небе.
Нива уставился вверх, ища отверстие в тумане, пока у него не заболела шея. Потом он увидел маленькие кусочки голубого неба, которые появлялись то тут, то там. Пока он наблюдал за небом, гул становился все громче, и вскоре перешел в знакомое урчание.
— Она приближается! — Нива был единственным, кто уже встал, чтобы увидеть ее.
Но он недолго был один. Когда Нива увидел между клочьями тумана первые желтые проблески, из своих домов уже вышли и другие

люди. Они тоже смотрели вверх. Скоро все село было на ногах.
Подул легкий ветер, который развеял последние клочья тумана, и теперь желтая деревянная пчела была уже ясно видна над деревней. На этот раз всем было видно, что в деревянной пчеле сидят двое мужчин. Жители начали кричать:
— Ководи! Это ководи! Спасайте вашу жизнь!
Вдруг все вспомнили совет Гикиты — бежать из этого селения. Некоторые быстро собирали оружие, корзины и все свое имущество и бежали в джунгли.
Затем Нива увидел, что деревянная пчела перестала кружить над их селом и что она стала кружить над соседней рекой. Он побежал вниз к реке, чтобы быть поближе к ней. Для него деревянная пчела была другом — она спасла его от мачете Минтаки.
Нива стоял на песчаном берегу реки, когда произошло что-то удивительное. Из живота пчелы выпала длинная веревка, к которой было привязано что-то сверкающее. Деревянная пчела опускалась все ниже и ниже, а веревка становилась все длиннее. Сверкающий предмет тоже снижался, пока не оказался совсем близко возле Нивы, и, наконец, опустился на песок совсем у края воды. Нива побежал, чтобы поднять этот предмет. Это был металлический горшок с привязанными по краям разноцветными ленточками, полный пуговиц и других удивительных вещей. Он поспешно понес его в деревню.

— Если вы увидите, что принесли нам ководи, то вы не захотите уходить отсюда, — воскликнул он. — Посмотрите сюда!

Скоро деревянная пчела исчезла, и жители села возвратились в свои дома. Маленькие дети буквально вырывали из рук Нивы цветные ленточки и обвязывали ими руки и голову. Но пуговицы Нива оставил для своего попугая. Акаво взяла себе блестящий горшок. Она сказала, что совершенно уверена в том, что его послала ей ее дочь Даума.

Какое-то вещество в горшке на ощупь было похоже на грубый песок, имело странный вкус, и мать выкинула его.

Большинство жителей думали, что лучше всего исчезнуть, но любопытство взяло верх. Через несколько дней деревянная пчела появилась снова. На этот раз она спустила на конце длинной веревки мачете. Снова веревка опустилась на берег реки, но потом нож сорвался и упал в воду. Нива со своего пня в маниоковом саду помахал ководи рукой. Но пока он слез с пня и прибежал к реке, Гикита, который совсем поправился от болезни, опередил его и вытащил нож из воды. Мачете был особенно ценным подарком для аука. Мачете и другие металлические предметы были в джунглях большой редкостью, и аука могли их приобрести только путем воровства у других племен — у качуа и у дживаро, которые обменивали их у ководи — белых каннибалов.

Когда деревянная пчела кружила над ними, жители слышали, как двое мужчин что-то

кричали им, но они только смотрели друг на друга и пожимали плечами. Никто не понимал ни слова из сказанного.

Весть из зарубок

В октябре 1955 года операция «Аука» шла полным ходом. Миссионеры сидели в комнатке на полу и обсуждали дальнейшие планы.

— Мы должны подарками привлечь людей аука, — сказала Элизабет Эллиот.

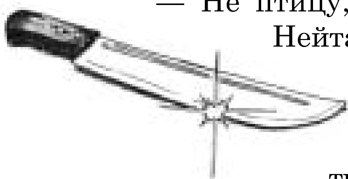
Некоторые утвердительно кивнули головой.

— Видно, все попытки войти с ними в контакт были связаны с насилием, — продолжала она. — Поэтому неудивительно, что они сразу же берутся за оружие.

— Мы могли бы из самолета кидать им подарки, — предложил Эд.

Нейт Саинт сморщил лоб.

— Я не думаю, что это действительно хорошая идея, — сказал он. — Я разговаривал со своей сестрой Рахилью об этой женщине аука, с которой она познакомилась. Она рассказывала, что, когда нефтяные компании кидали им с самолета подарки, то аука думали, что их копья попали в живот большого зверя, и что эти подарки выпали из живота. Они вообще не подумали, о том, что это могут быть подарки. Они, очевидно, думали, что это их добыча, так как они победили большую птицу.

— Не птицу, — поправила жена Нейта Мэри. — Аука называют самолеты «пчелами».

— Ты права, — подтвердил Нейт. — Я пом-

ню, она говорила, что они называют ее «деревянной пчелой».

— Значит, нам нужно найти способ давать им эти подарки из рук в руки, — снова продолжил Эд начатую тему разговора. — Мы не можем просто бросать их с неба, но все же нам нужно каждую неделю что-нибудь им дарить. Если они заметят, что мы дружелюбны к ним, то рано или поздно их враждебность будет побеждена.

— Да, но как? — спросил Пит Флеминг. — Как нам давать им подарки? Я не уверен, что пойду добровольцем в джунгли. По крайней мере, не сейчас... Нужно, чтобы у нас было больше доверия друг к другу, чтобы они нас сразу не убили.

— Ну, — сказал Нейт с хитрой улыбкой, — я придумал такой метод.

— Ну, понятно, — улыбнулся Джим Эллиот. — Я представляю себе, как они пытаются схватить пакет, который пролетает мимо них со скоростью шестьдесят или семьдесят километров в час.

— Точно, — засмеялся Эд. — Но, прежде всего, что они будут делать, если они все же схватят его?

— Нет, нет, — сказал Роджер, — вы не понимаете. Нейт разработал суперсистему. Он уже несколько раз испытал ее, и я был при этом. Он летит высоко и делает небольшой круг. Подарок висит на длинной веревке, несколько десятков метров под ним. Ветер относит его немного назад, так как Нейт делает крутые

повороты. И пакет довольно точно приземляется в середине круга, как будто он ложится на дно водоворота. Путем снижения высоты Нейт может очень точно спустить пакет в нужное место. Это отлично действует! Но допустим, — он повернулся к Нейту, — они не захотят взять и распаковать пакет. Что тогда будем делать?
— Гм. Об этом надо подумать, — ответил Нейт.
— Нам нужно встроить в пакет автоматически открывающийся механизм.
Как только был готов такой механизм, Нейт стал собираться на посещение аука. Он и Эд приготовили маленький алюминиевый котелок, который они заполнили пуговицами и крупной солью, а по краю привязали цветные ленточки. Затем они взобрались в свой желтый самолет.
— К старту готовы, вылет разрешен, — крикнул Нейт.
— Разрешен, — повторил детский голосок.
Нейт обернулся и удостоверился, что маленький Стив находится на безопасном расстоянии. Малыш стоял в пяти метрах от ангара и махал рукой.
Нейт улыбнулся и помахал ему.
— Ну и сорванец! — со смехом сказал он. — Он так же, как и я, бредит самолётами.
— Возможно, но я думаю, что он очень любит ту личность, которая сидит в самолете, — невозмутимо проговорил Эд, кивнув в его сторону.
Нейт нажал на стартер. Пропеллеры сделали несколько оборотов, и машина двинулась с места.

Мотор загудел, и маленький самолет стало трясти как в лихорадке. Вскоре желтый самолет уже покачивался на зеленой взлетной полосе. Нейт радовался, что здесь в джунглях он имел хорошую взлетно-посадочную полосу. Шелл-Мера была построена нефтяной компанией. Они отдали этот опорный пункт, когда он стал им не нужен. Миссионеры получили разрешение создать здесь свою центральную базу.
Нейт и Эд летели примерно двадцать минут. Вскоре Нейт привел самолет в вертикальное боковое положение и показал пальцем вниз.
— Вон они, — сказал он.
В утренней дымке Эд разглядел покрытые камышом крыши и людей, в страхе бегающих взад и вперед. Когда же они поднялись выше, то, казалось, людей поглотила земля.
— Куда они исчезли? — спросил Эд.
Нейт сморщил лоб.
— Не знаю. Может, они от страха попрятались?
— Лучше всего, если мы спустим наш подарок и исчезнем. Если они найдут его, то в следующий раз будут любопытнее.
Эд открыл дверь и стал медленно спускать веревку с алюминиевым котелком, в то время как Нейт кружил над деревней.
— Как ты думаешь, может, спустить котелок на берег реки? — предложил Эд. — Если ты будешь пробовать спустить его в село, то можешь вдруг повредить какую-нибудь крышу.
— Это не будет содействовать развитию дружественных отношений.
Когда они с летающим на веревке котелком

полетели к берегу реки, из деревни к реке за ними побежал один мальчик.
— О, там кто-то бежит, — заметил Эд.
— Да, и я думаю, что это его я видел в прошлый раз, — вспомнил Нейт.
— Как ты можешь узнать его? — удивился Эд. — Ведь на нем нет ярко-красной футболки, по которой можно было бы его легко узнать.
Оба миссионера рассмеялись, так как все аука имели одинаковую одежду… а именно — никакую!
— Но все же я верю, что это тот же самый мальчик, — остался при своем мнении Нейт.
Котелок с цветными ленточками достиг земли именно там, где хотел Нейт. Мальчик тотчас поднял его и побежал с ним в село.
— Чудесно! — улыбнулся Нейт и, медленно кружась, набрал высоту. — Наша первая радостная весть на языке знаков.
— Точно, — подтвердил Эд. — Интересно узнать, о чем они думают. Как ты думаешь, они что-нибудь знают об окружающем мире?
— Не знаю, — пожал плечами Нейт. — Мы знаем, что они уже раньше видели самолеты. Машины нефтяной компании раньше постоянно летали над этим районом. Но это не имело для них большого значения.
Через неделю они снова полетели с подарком. Сегодня это был мачете, и на этот раз аука уже не прятались. Они быстро бежали за самолетом и ждали сброса. На этот раз Нейт с Эдом попали не так точно, и мачете упал в воду.
Буквально через мгновение один из мужчин

бросился в воду и схватил нож. Скоро на песчаном берегу собрались полдесятка мужчин, внимательно рассматривая подарок.

Эд был так обрадован, что открыл дверь со своей стороны, бурно замахал руками и крикнул вниз:

— Привет всем там, внизу! Мы ваши друзья!

— Будь осторожен, а то потеряешь равновесие и упадешь вниз, — сказал Нейт. — Они с такой высоты не услышат тебя. И к тому же, даже если бы услышали, то они все равно не понимают по-английски!

— Да, я знаю, — согласился Эд, втянул голову и закрыл дверь. — Но я думал, может, они заметят, что я проявлю дружелюбие к ним.

Возвратившись в Шелл-Меру, они услышали тревожные новости. Эд с Мэрилоу Мак-Килли жили ближе всех к аука. Они жили в племени качуа, в деревне Араюно. В последние дни некоторые жители обнаружили в джунглях следы аука.

Эд сморщил лоб и задумчиво посмотрел на Нейта:

— Ты думаешь, что они шпионят за нами? Если да, то что это значит?

Нейт пожал плечами и добродушно улыбнулся.

— Может, аука тоже горячо заинтересованы во встрече с нами, как и мы с ними?

Индейцы качуа были обеспокоены намного больше, чем белые люди. Они думали, что аука готовятся к нападению. Эд решил сделать маленькую модель желтого самолета и повесить ее на двери своего дома в Араюно. Если аука

действительно шпионят за ними, то они будут знать, что он один из тех, кто привозил им подарки.
Каждую неделю миссионеры привозили подарки и надеялись, что аука станут к ним дружелюбнее. Жители деревни в джунглях получали котелок или топор, или что-то из одежды. Иногда миссионеры пролетали совсем низко над домами, чтобы индейцы могли их ясно видеть. Порой они привязывали к веревке пустую корзину в надежде, что и аука положат туда подарок, что было бы доказательством тому, что и они пытаются быть приветливыми.
Пока Нейт налаживал контакты с аука с самолета, Джим Эллиот работал вместе с Рахилью Саинт и с женщиной аука Даумой, чтобы выучить язык аука.
— В следующий полет вы должны обязательно взять меня с собой, — сказал Джим. — Тогда я могу через громкоговоритель сказать им на их языке, что мы им друзья.
Все согласились, что это хорошая идея, поэтому в следующий рейс Джим полетел с ними и крикнул в микрофон:
— Мы любим вас! Мы ваши друзья!
Они снова и снова кружились над деревней, посылая вниз свою весть. В это время индейцы внизу медленно кружились, похожие на заводных кукол, и, приставив руки к глазам, смотрели на самолет.
— Ты веришь, что они понимают нас? — спросил Джим, когда они повернули домой.
— Это знает только Господь, — ответил Нейт,

пожимая плечами. — Но все же они больше не исчезают мгновенно в джунглях.
— Что означает, что они теперь не боятся нас, — с надеждой добавил Джим.
— У них нет страха. Они уже давно не боятся, — сказал Нейт. — Они всегда спешат на улицу, чтобы взять то, что мы сбрасываем, будь это котелок, мачете, топор или одежда. Как видишь, некоторые носят футболки, брюки. Но как сделать, чтобы они действительно понимали нас — это другой вопрос.
Когда семьи миссионеров встретились в следующий раз, чтобы вместе помолиться и дальше спланировать свою работу, Джим Эллиот сказал:
— Я узнал от Даумы, что единственной письменностью аука являются зарубки, которые они делают на деревьях, чтобы отметить дорогу, оставить кому-то весть, что они там были. Рахиль предложила, если мы переведем Библию на язык аука, то чтобы назвали ее «Божьей зарубкой». Но у меня другая идея. Сделаем пять зарубок на одной палке, привяжем к ним пять фотографий — каждого из нас пятерых, и возьмем ее в следующий полет. Таким образом, они постепенно познакомятся с нами.
— Хорошая идея, — подтвердили все присутствующие.
— Я думаю, что мы уже почти готовы к нашей первой встрече.

Весть от потерянной сестры

Как-то ночью Нива проснулся, потому что услышал громкий разговор. Он сел на своей подвесной кровати и потер глаза. Костер уже почти догорел, но голоса звучали жестко и сердито.

Прошло несколько минут, пока Нива понял, кто там ссорится. Он узнал голос матери, которая разговаривала с каким-то мужчиной на краю дома.

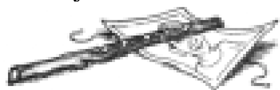
— Уходи, — сказала мать. — Я не отдам тебе ГиМэри. Она еще ребенок. К тому же у тебя и так слишком много жен.

— Как это — у меня слишком много жен? — спросил другой голос. — Это то же самое, если бы я сказал тебе, что у тебя слишком много горшков. У тебя их столько, сколько ты желаешь, сколько тебе нужно. И к тому же Ипа — теперь моя единственная жена.

Теперь Нива знал, кто этот мужчина. Он узнал голос. Нанкиви был очень жестоким человеком. Он убивал людей, когда они мешали его планам.

— Да, Ипа теперь твоя единственная жена, — сказала мать Нивы, — только потому, что ты убил свою вторую жену. Я знаю, что ты и её можешь убить, так почему я должна отдать тебе в жены мою дочь?

— Ну и что? Если тебе иногда не нравится горшок, ты же тоже разбиваешь его и делаешь себе новый.

Нива подтолкнул в огонь конец бревна, чтобы он вспыхнул и ему лучше было видно ГиМэри. Она сидела, играя со своими круглыми сережками, и улыбалась Нанкиви.

— Перестань с ним заигрывать, — резко прошипел Нива.

— Позаботься о своем собственном горшке.

Его сестра была подростком, но она была старше Нивы и думала, что может делать все, что хочет.

К этому времени проснулся ее дядя, которому в их доме принадлежало право последнего слова. Он сонно огляделся по сторонам. Откуда исходит шум? Послушав немного разговор, он сказал:

— Уходи ты, алчная свинья. У тебя уже больше детей, чем ты можешь прокормить. ГиМэри выйдет замуж за Дами. Он намного лучше и вообще не имеет жены.

— Нет, я не выйду за него, — прошипела ГиМэри из темноты. — И ты не можешь меня заставить.

— Ты слышишь? — заявил Нанкиви. — Она видит, что я хочу ее, и уже выбрала меня.

Нива заметил тень с правой стороны дома. Это был его старший брат Нампа, который, согнувшись, осторожно продвигался к углу дома. Хотя большинство домов аука не имели стен, все же на этом углу висела бамбуковая циновка. Она сейчас была стеной, которая скрывала Нампу от Нанкиви. Когда Нива посмотрел в ту сторону, то увидел блестящий конец копья Нампы.

Нива снова посмотрел на Нанкиви. У него тоже было копье. Мужчины редко ходили без него. Но Нанкиви в этот момент опирался на копьё, как на прогулочную палку, не ожидая нападения. С другой стороны, он был опытным охотником. Если он быстро среагирует, то у Нампы не будет никаких шансов.
Нива заметил, что Нанкиви поменял свое положение. Теперь он стоял лицом к углу, где должен был появиться Нампа, который не заметил этой перемены. Теперь он не сможет внезапно напасть!
Нива должен предупредить своего брата, но как?
Наконец он в отчаянии крикнул:
— Нампа, иди сюда и успокой ГиМэри!
Это сработало. Рука Нампы, держащая копье, опустилась.
— Почему ты сделал это? — прошипел он, стиснув зубы.
— Потому что он увидел бы тебя, — прошептал Нива.
Нампа посмотрел на троих взрослых, которые всё ещё ссорились, и увидел, что Нива был прав. Он понял, что брат спас ему жизнь, но все еще был в гневе.
Наконец Нанкиви ушел, осыпая семью угрозами и проклятиями.
— Я все равно получу эту девчонку. Подождите, вы еще увидите.
— Я убью тебя, если ты это сделаешь, — ответил дядя Нивы.
В последующие дни борьба за ГиМэри создала

напряженную обстановку, и жители совершенно забыли о посещениях деревянной пчелы. Каждый день, когда мужчины уходили на охоту, женщины рассуждали, — попытается ли Нампа убить Нанкиви, или Нанкиви убьет дядю девушки. Из-за всего этого не ладилась и охота — жители приносили домой мало дичи. За это время Мойпа, друг Нивы, уже почти выздоровел после своего ранения. Как-то утром Нива, Дабу и Мойпа решили поиграть на глиняном холме. Они тоже разговаривали о событиях, связанных с сестрой Нивы. Пока они обливали водой холм, чтобы сделать его гладким для катания, Мойпа сказал:

— Если твоя мать и дядя не хотят, чтобы Нанкиви взял ГиМэри, то пусть она выйдет замуж за Дами.

Все казалось так легко и просто.

Брак для аука был очень простым делом. Единственное, что нужно было сделать — объявить в деревне о свадьбе. Тогда совершали танец возле костра. Один из жителей брал руку девушки, а другой — руку жениха. Соединяли их руки. Этот видимый акт означал, что они поженились. Успокоенный таким простым решением дела, Нива с радостью играл все время до обеда.

Но незадолго до их возвращения домой вдруг снова появилась деревянная пчела, и Нива совершенно забыл рассказать своему брату о новой идее.

После того как был сброшен подарок, деревянная пчела снизилась и сделала круг над

деревней. И вдруг жители услышали голос из живота этого шумного чудовища:
— Битти мити пунимупа! — говорил голос из деревянной пчелы. — Битттти мити пунимупа!
Люди посмотрели друг на друга. Слова были произнесены неправильно, и их трудно было понять. Наконец кто-то понял и передал сказанное:
— Деревянная пчела говорит с неба: «Я люблю вас! Я люблю вас!»
— Да, точно, — подтвердил и другой. — Она говорит: «Я вас люблю!» Чепуха! Разве можно услышать такое от насекомых?
Все закивали, разразившись громким смехом. Почему деревянная пчела должна говорить: «Я люблю вас?» Они до сих пор никогда не слышали ничего подобного.
Нива стоял вместе с другими жителями и смотрел в небо. Он приставил руку к глазам, чтобы лучше видеть, и наблюдал за деревянной пчелой, которая кружила над деревней и говорила эти глупые слова. Никто никогда не слышал, чтобы деревянная пчела когда-либо говорила: «Я люблю тебя!» Как может насекомое говорить? Как она может любить людей на земле?
— Ты веришь, что ководи говорят из деревянной пчелы, сидя в её животе? — спросил Мойпа своего друга.
— Кто может такому поверить? — ответил Нива. — Но они очень удивительные создания, не похожие на шмелей, с которыми мы играем.
Эта игра была очень популярна у детей аука: они ловили шмелей, естественно, очень осто-

рожно, чтобы те их не покусали. Затем привязывали шмеля на пальмовую нитку и водили его гулять. Это было их любимой игрой, и они думали, что знают про пчел всё. Но одно было несомненным — пчела не могла говорить.
В это мгновение попугай Нивы слетел с жердочки в доме и приземлился на его плече. Перья на крыльях были немного подрезаны, поэтому он не мог хорошо летать, а когда садился, то должен был впиваться коготками в место приземления, чтобы сохранить равновесие.
— А-а! — закричал Нива.
Попугай склонил головку и сказал:
— Битти мити пунимупа! Битти мити пунимупа!
Все засмеялись.
— Ну вот! — сказал Нива. — Некоторые творения могут говорить.
— Но насекомые не могут говорить, какими бы большими они ни были, — сказала Минтака, тетя Нивы. — Это трюк ководи. — Она казалась абсолютно убежденной. — Они хотят подстроить нам ловушку.
Некоторые утвердительно закивали. Это было единственное логическое объяснение.
— Я все еще думаю, что мы должны уходить с этого места, — сказал Гикита.
Через неделю деревянная пчела прилетела опять, и Нива вместе с другими пошел за деревню, чтобы забрать подарок. На сей раз это был узел с одеждой. Они быстро разорвали его и увидели яркие цветные рубашки и брюки.

В середине узла была палка, аккуратно завернутая в белые и серые прямоугольные листья. Гикита был среди тех, кто распаковывал подарок. Он сорвал прямоугольные листья и бросил их в огонь. Пламя тут же подхватило их. Нива увидел, что на палке пять зарубок, и понял, что это какая-то весть. Но Гикита, казалось, даже не задумался, что бы это могло значить. Оглядев палку и ничего больше не обнаружив, он бросил ее в сторону и надел свою новую красную рубашку.

Нива подобрал палку, чтобы внимательно осмотреть ее. Если это вырезанная весть, то что она означает? Он взял её с собой домой.

— Мама, вот эту палку сбросили с деревянной пчелы. Я думаю, что она означает что-то доброе. Может, мне отнести ее к Карею, нашему доктору?

— Что ты хочешь делать с этой старой палкой? — спросила ГиМэри, которая пряла повязку на руку, как она говорила, на свою свадьбу с Нанкиви. Ей было все равно, что говорили другие об этом. Ее мать Акаво долго и тщательно рассматривала палку. Затем сказала:

— Не нужно нести палку Корею. Я уже знаю, что он скажет. Это весть от вашей сестры Даумы. Она говорит через нее, что она жива. Смотри, пять зарубок — это мои пять дочерей. Хотя она исчезла восемь лет назад, но я все равно надеялась увидеть ее. Теперь я вижу, что она жива!

— Да, это хорошая весть! — подтвердил Нива.

— Ты думаешь, что она придет домой?

Мать Нивы сморщила лоб и покачала головой.

— Я слышала, что ководи являются каннибалами, но, может быть, не все. Во всяком случае, они не съели мою Дауму. Но кто знает, вернется ли она домой?

— Если они не съели Дауму, — решительно сказала ГиМэри, — тогда я тоже пойду к ним, если вы не разрешите мне выйти замуж за Нанкиви.

— Ты не сделаешь этого, — заплакала Акаво. — Потерять даже одну дочь было так тяжело для меня. Я чуть не умерла от горя. Теперь, когда она послала мне весть, мое сердце полно радости. Нет, ты не решишься убежать от нас.

Всю неделю Нива думал о белых людях, которые летели в животе деревянной пчелы. Если Даума живет у ководи, тогда нужно послать и ей какую-то весть. Да, но как?

Наконец Ниве пришла идея. Он пошлет Дауме подарок. Он пошлет ей самое лучшее, что он имеет. Он пошлет ей ручного попугая.

Палм-Бич

Эд Мак-Килли быстро ухватился за металлическую ручку под передним стеклом, чтобы удержаться, когда машина вдруг наклонилась влево. Затем она устремилась к земле и кругами стала стремительно снижаться.

— Нейт! — крикнул он. — Ты что делаешь?

— Посмотри-ка вниз, — взволнованно сказал Нейт и показал пальцем на речку.

— Куда же мне еще смотреть? Ты же направляешься прямо в речку. Ты не мог бы разворачиваться немного помягче? Я чуть было завтрак не потерял, хотя я сегодня еще не завтракал.

— Извини, пожалуйста, — сказал Нейт, когда он вновь выровнял машину. — Но посмотри-ка, я думаю, что мы нашли свой «Палм-Бич».

Они оба возвращались из очередного полета к аука. Он сделал мягкий поворот направо.

Эд выглянул из бокового окна и начал изучать речку под собой.

— Ты имеешь в виду тот песчаный перекат? — спросил Эд. — Но он такой маленький. Ты никогда не сможешь сесть там на этой машине.

— Давай спустимся и попробуем. Я уже долго смотрю, и это самое лучшее место из всех. На этой реке столько крутых поворотов и совсем мало ровного берега, чтобы приземлиться. Сильные

дожди на последней неделе буквально взбудоражили реку, и при этом образовался этот чудесный песчаный перекат.

Эд все еще держался за ручку, так как самолет снова летел вниз, хотя Нейт на этот раз мягче вел машину. Когда они были примерно в десяти метрах над деревьями и песчаный перекат был перед ними, Эд сказал:

— Нейт, мы не сможем сесть здесь. Ты не сможешь достаточно быстро спуститься, чтобы прикоснуться к земле.

— Не будь так уверен, — ответил Нейт. — Держись!

Когда кончились деревья, машина вдруг легла набок и устремилась вертикально к земле. Этот маневр вызвал в желудке Эда острое ощущение пустоты. У него было такое чувство, что над машиной потерян всякий контроль. Но в последний момент Нейт выровнял самолет, и они на высоте двух с половиной метров пронеслись над песчаным перекатом.

Достигнув конца переката, Нейт развернулся и дал газ. Маленький самолёт взвился вверх и повернул налево.

— Как выглядел перекат с твоей стороны? — спросил он.

— Не знаю! Я слишком боялся, чтобы еще что-то разглядывать.

— Ну вот! Ты должен был посмотреть, нет ли там бревен, палок в песке, чтобы мы знали, сможем ли мы безопасно приземлиться, — сказал Нейт и затем добавил: — Мы полетим назад и еще раз посмотрим песчаный перекат.

Я бы хотел лететь против ветра. Намного безопаснее садиться и стартовать против ветра, но нет никакой возможности лететь с другой стороны.

На этот раз Эд заставил себя открыть глаза и посмотреть, нет ли внизу палок, бревен и острых скальных камней. Он ничего не обнаружил и сказал об этом Нейту.

— Хорошо, — заметил Нейт. — Как ты думаешь, какова длина этого переката?

— Не представляю, — ответил Эд.

«Слишком короткий для посадки», — подумал он, когда вспомнил, как быстро они пролетели от одного конца к другому.

— Ну, теперь попробуем узнать. Ты видишь те бумажные пакеты за твоим сиденьем?

Эд обернулся.

— Ты имеешь в виду эти кульки с мукой?

— Да. Но это не мука. Это красящий порошок. Когда мы в этот раз полетим над песчаным перекатом, то ты откроешь свою дверь и выбросишь один пакет, когда я тебе скажу. Потом кинешь второй. Мы будем лететь на одной скорости, и второй пакет должен упасть на расстоянии сто восемьдесят метров от первого. Таким образом мы сможем узнать длину этого переката.

Этот эксперимент прошел удачно и показал, что длина переката примерно двести десять метров.

— Хорошо, — заметил Нейт, когда они еще раз пролетели этот отрезок. — Мы сможем сесть, если песок не слишком мягкий.

— А как ты сможешь узнать, что грунт достаточно твердый?

— Мы прокатимся по нему на колесах, но не будем делать посадку. Если они не будут глубоко вязнуть, то все в порядке.

— А если они завязнут?

— Ну, — ответил Нейт, — они, конечно, могут завязнуть, и мы уткнемся носом в песок или приземлимся даже на спине, смотря на какой скорости мы будем лететь. Но... — Тут он прикусил губу, сконцентрировав внимание, так как приближались последние деревья.

Нейт немного наклонил машину, и колеса легко коснулись земли. Самолёт немного качнуло, но Нейт тут же выровнял его, потянув назад штурвал, и добавил газа. Машина снова была в полете. Затем он попробовал еще раз, и на этот раз колеса гладко скользили тридцать или тридцать пять метров, прежде чем Нейт выдвинул штурвал вперед и снова поднялся.

— Видишь, — сказал Нейт, когда они все выше поднимались в голубое небо, — я думаю, что мы нашли посадочную полосу, и это совсем недалеко от наших аука, если не поднимется вода и не смоет все.

Когда они в этот декабрьский день вдвоем зашли после обеда в миссионерский дом в Шелл-Мере, то на их лицах сияли широкие улыбки.

— Я думаю, что мы нашли наш Палм-Бич, — сообщил Эд.

— Что вы нашли? — спросила Элизабет Эллиот, пока другие миссионеры присоединились к ним.

— Наш Палм-Бич, — повторил Эд. — Знаете, такое красивое привлекательное место, как Палм-Бич в Калифорнии или во Флориде, — просто хорошее место, чтобы пригласить туда аука и встретиться с ними.

— Точно, — поддержал Нейт. — Оно на самом деле выглядит красиво.

Джим Эллиот вышел вперед и подал обоим братьям по стакану фруктового сока.

— А где это? — спросил он.

Свободной рукой Нейт сдвинул назад шлем и почесал голову.

— Я бы сказал, что это не дальше, чем восемь миль по воздуху от их села. Но если взять во внимание все холмы и другие препятствия, то пешком нужно будет пройти примерно десять или двенадцать миль — где-то полдня. Неплохо, не правда ли?

Они взволнованно рассказали обо всех своих приключениях и идеях, которые были у них, — где можно устроить лагерь и как побудить аука посетить их.

— Нужно будет сделать несколько полетов, чтобы отвезти туда все, в чем мы нуждаемся, — сказал Нейт. — Человек, которого я первым оставлю там, совершит большой подвиг. Если аука будут наблюдать за этим местом, потому что мы часто летаем туда, то у невооруженного человека не будет никаких шансов выжить, если им вдруг придет в голову напасть.

— Значит, ты имеешь в виду, что нужно брать с собой оружие? — спросил Джим.

— Не для защиты против аука, — ответил Нейт. — Там водятся ягуары, анаконды и крокодилы. Я думаю, что совсем без оружия нам нельзя идти туда.

Он представил себе огромную змею анаконду, которая может до смерти задушить взрослого

человека. По коже у него поползли мурашки, и он постарался быстро отбросить эту мысль.
— А как быть с охотой? — продолжал он. — Если будут какие-то проблемы и нельзя будет подвезти продукты, то нам придется самим заботиться о пище.
— А если аука вдруг нападут, — добавил Пит Флеминг, — то пара выстрелов отгонят их. Это будет лучше и для них и, прежде всего, для нас, чтобы никто не был убит.
Джим кивнул.
— Я думаю, ты прав.
Наконец они решили, что возьмут с собой два револьвера для защиты от диких зверей и одно ружье для охоты за небольшой дичью. Но оружие они будут прятать. Они также приняли решение, что никогда, даже в случае нападения, не будут стрелять в индейцев. Все, что они сделают, — это предупредительный выстрел в воздух, в надежде отогнать нападающих.
— В таком случае мы должны быть абсолютно уверены, что они дружелюбно настроены к нам, прежде чем пойдем туда.
На следующей неделе Нейт и Эд сбросили подарок уже ожидающим его индейцам, и вдруг Эд сказал:
— Подожди-ка, Нейт, не поднимайся так быстро вверх. Мне кажется, что веревка натянута. Может, кто-то ухватился за неё?
Нейт полетел по узкому кругу, чтобы конец веревки остался на месте.
— Всё, теперь она свободна, — сказал Эд и начал поднимать ее. — Нет, подожди минутку,

там что-то висит. — Волнуясь, он старался перекричать шум мотора: — Они что-то привязали к ней!
— Ты прав, — подтвердил. Нейт. — Выглядит как пакет. Я думаю, что это подарок!
— Аллилуйя! — ликовал Эд. — Лёд тронулся. Они даже не пытались затянуть пакет в самолет из страха, что он попадет в воздушный водоворот, стукнется в хвостовую часть и получит повреждение. Так он болтался в нескольких десятках метров под самолетом, пока они медленно летели домой. Когда они прибыли, то осторожно опустили его в начале посадочной полосы, точно так же, как они делали с подарками для индейцев. Затем Эд поднял веревку, они развернулись и начали посадку.
Подойдя к пакету, они обнаружили, что это клетка из бамбука, накрытая платком. В клетке сидел очень красивый попугай, который грыз кусок банана.
— Аука дружелюбно настроены к нам, — объявил Нейт другим миссионерам, подбежавшим к ним, высоко подняв клетку. — Вот доказательство. Они тоже сделали нам подарок.
Эд Мак-Килли скромно кивнул.
— Я думаю, что мы уже можем пойти туда.
Вечером Нейт Саинт сказал своему сыну Стиву, которого только что уложил в постель:
— Ты бы хотел иметь этого цветного попугая, которого я сегодня привез с собой?
— Конечно, хочу, — сказал Стив, — он такой чудесный!

— Ну вот, у тебя теперь будет с кем играть, когда меня не будет дома, и он будет напоминать тебе обо мне.

— Спасибо, папа. — Малыш крепко обнял отца и прижался к нему.

Затем он заснул, и ему снились попугаи, самолёты и папа.

Переселенцы

Акаво была совершенно взбудоражена мыслью, что ее пропавшая дочь посылает ей подарки с деревянной пчелой. Она попросила Ниву сделать высоко на дереве площадку, чтобы он мог заглянуть вовнутрь деревянной пчелы, когда она в следующий раз будет лететь над селом.

— Может, она сидит внутри и сопровождает ководи, — сказала она. — Если ты увидишь ее, то можешь помахать ей рукой.

Нива решил выбрать старое бальзамовое дерево на краю сада. Его крона была сбита молнией несколько лет назад, но все равно оно было самым высоким деревом в округе. Три дня он своим мачете вырезал ступеньки с одной стороны дерева. Затем он затащил туда толстые палки для постройки платформы и связал их крепкими лианами. Наконец все было готово, и он стал ждать следующего посещения деревянной пчелы.

Услышав далекий рокот, он стремительно забрался на платформу. Она была расположена так высоко, что даже самый легкий ветерок покачивал ее. Нива не смотрел вниз из страха, что у него может закружиться голова.

Через несколько мгновений желтая деревянная пчела уже летела низко над Тиваено. Нива думал, что он будет на той же высоте, что и пчела, но он

все же был намного ниже. Несмотря на это, он мог ясно видеть обоих белых людей, и он усиленно махал им. Они помахали ему, но Даумы с ними не было.
Некоторые жители деревни видели, как Нива на прошлой неделе привязал к веревке клетку с попугаем. Это привело к большим волнениям.
— Зачем ты посылаешь подарки ководи? — спрашивали они.
Нива объяснил им, что он не считает белых каннибалами. И почему же нельзя дружить с ними? Но другие не придерживались его мнения. Они все еще не доверяли ководи. С другой стороны, они были не против обмена товарами — даже с врагами — это хорошее дело, если при этом быть осторожными. К тому же, таким образом можно заставить ководи посылать больше топоров и ножей. Это было именно то, в чем они нуждались. Кому нужны глупые одежды и палки с зарубками, завернутые в серые прямоугольные листья?
Со своего наблюдательного пункта высоко на дереве Нива увидел, как один мужчина из села привязал подарок к веревке, которая свисала с самолета. Нива знал, что это такое — головное украшение с перьями, над которым Кимо работал целую неделю. Деревянная пчела подняла подарок и снова начала говорить. Нива снова услышал старую глупую весть: «Битти мити пунимупа! Битти мити пунимупа!» «Я люблю тебя! Я люблю тебя!»
Наконец пчела стала подниматься все выше

и совсем исчезла над джунглями. Нива не увидел свою старшую сестру. Он слез с дерева и медленно пошел домой, чтобы все рассказать матери.
— Если Даума не летает с ними в деревянной пчеле, — сказала мать после сообщения Нивы, — тогда она должна жить там, откуда прилетает пчела. Ты смог увидеть, куда она полетела? Как ты думаешь, где она построила свое гнездо? Если Даума не может прийти к нам на деревянной пчеле, то мы должны пойти к ней.
Нива пожал плечами. Деревянная пчела улетела далеко за джунгли. Нива был уверен, что они никогда не смогут пойти так далеко. Когда он сказал об этом своей матери, та запротестовала:
— Это неправда! Некоторые из наших людей были уже там, где живут ководи. Они видели, как садятся деревянные пчелы и заползают в свои гнезда. Да, нам нужно предпринять такое путешествие.
Вечером Гикита серьезно разговаривал с Кимо, так как он послал ководи подарок.
— Это глупо, — сказал он. — Вначале послал Нива, потом ты. А сегодня мы еще больше услышали болтовни об этом желтом насекомом. Я думаю, что все это ловушка. Что будет, если ководи принесут подарки прямо в наше село Тиваено? Что мы будем делать тогда?
— Если ководи придут в Тиваено, тогда мы убьем их, — с презрением ответил Кимо.

— Ты ничего не понимаешь, поэтому думаешь, что убить их так же легко, как комара, — ругал его Гикита. — Ты уже забыл, что было в последний раз, когда мы убили ководи? Их пришло еще больше, они были с палками, которые громко стреляли. Они убили многих аука, прежде чем мы могли убежать в джунгли. Нам они здесь не нужны!

Во время этого разговора Нанкиви со сверкающими глазами молча слушал. Обычно, когда речь шла об убийстве, он весь вспыхивал. Почему сейчас он такой молчаливый? Нива удивился. Он не доверял ему. Этот человек замышляет что-то недоброе.

Когда в следующий раз Нива услышал гул деревянной пчелы, он снова залез на свой наблюдательный пункт, чтобы увидеть, как они будут сбрасывать подарок.

На этот раз на веревке ничего не было. Вместо этого деревянная пчела все ниже спускалась в деревню и издавала удивительные звуки. Аука думали, что она пыталась разговаривать. Вместо прошлых фраз «Я люблю тебя!», им казалось, что она говорит: «Приходите завтра!», «Приходите завтра!» Но что это может означать?

Нива видел, как деревянная пчела улетела над джунглями. Вдруг он заметил, что она изменила свое прежнее направление, а затем увидел что-то совсем необычное — пчела вдруг упала и исчезла!

Нива ждал, что она снова появится, как и раньше. Но она больше не появлялась, и он не слышал её рокота. Он стал думать. Пчела

исчезла в долине реки Курарай. И её больше не стало видно. Это могло означать только одно: она имеет там гнездо. Она села в свое гнездо. Может, у нее в гнезде ководи? Если это так, то они совсем недалеко от деревни.
Обуреваемый противоречивыми чувствами, Нива слез с дерева. Может, рассказать кому-нибудь о своих наблюдениях? Его мать тут же пошла бы, чтобы искать Дауму. Нива не был уверен, что это хорошая идея.
Когда он пришел в деревню, там царило большое волнение. Каждый слышал пчелу, когда она говорила: «Приходите завтра!» «Но куда?», — рассуждали они. В этот раз не было никакого подарка. Может, ководи рассердилась? А может, это было ловушкой, чтобы увлечь их в джунгли?
Нива не смог больше молчать.
— Нет, — сказал он. — Это не ловушка. Деревянная пчела находится недалеко от нас. У нее новое гнездо на Курарае. Я видел, как она в долине полетела вниз и больше не взлетела. Она села там.
— Ты видел это? Где? Расскажи нам все подробно, — попросили жители, окружив его тесным кольцом.
Нива рассказал, что видел, как она в последние посещения улетала далеко за джунгли. А в этот раз она приземлилась совсем недалеко.
Акаво была сильно взволнована. Как понял Нива, она была совершенно уверена, что деревянную пчелу привела ее дочь.
— Теперь она вернется к нам, — сказала она.

— Моя дочь придет домой. Моя дочь придет домой, — повторяла она снова и снова.

— Ха! — закричал Гикита. — Ты думаешь, твоя дочь снова придет домой? Это пришли каннибалы. Мы должны бежать из Тиваено!

Нива не рассчитывал на такую реакцию. Некоторые жители были так напуганы, что готовы были собрать все свое имущество и бежать в джунгли. Другие рассуждали о том, как убить ководи, прежде чем они нападут на них.

Пока жители советовались друг с другом, Нива увидел, как ГиМэри и Нанкиви украдкой шепчутся между собой. Вдруг ГиМэри выступила вперед и заявила матери и всем:

— Если вы не разрешите мне выйти замуж за Нанкиви, то я пойду к ководи.

— Нет, — закричала Акаво, — они убьют тебя.

Нива был сбит с толку. Что здесь, собственно, происходит? С одной стороны, его мать твердо верила, что Даума здорова и живет у ководи. С другой стороны, она также была уверена, что, если ГиМэри побежит туда, ее убьют.

ГиМэри выпятила нижнюю губу как обиженный ребенок.

— Что мне от того, что меня убьют? — спросила она. — Что может быть хуже, чем жить с тобой в Тиваено!..

Она направилась к тропинке, которая вела к реке Курарай.

Нанкиви увидел возможность побыть наедине с ГиМэри, и побежал вслед. Это заметил Нива.

В селе все разговоры крутились вокруг разногласий о свадьбе ГиМэри с Нанкиви. Все жители

знали, что мать и дядя ГиМэри против этого брака. Такое разномыслие могло привести к убийству, и это могло случиться в любую минуту. Сейчас, когда все заняты проблемами с ководи, никто не будет преследовать их, если они уйдут. Когда позднее они вернутся в деревню, то их уже будут воспринимать как супругов. На всю деревню в пятьдесят жителей было всего семеро взрослых мужчин, оставшихся в живых после стычек с другими племенами аука. Если число мужчин еще уменьшится, то в случае нападения никто не устоит. Мужчин, которые могли бы взять на себя охоту, рыболовство и защиту деревни, было мало. Что же сделать, чтобы остановить ГиМэри?

Акаво, как мать девушки, была против этой свадьбы.

— Пожалуйста, — попросила она, — пойдите кто-нибудь за ними, чтобы они не поженились. Я бы сама пошла, но Нанкиви убьет меня. Прошу вас, пойдите кто-нибудь за ними.

— Я пойду, — предложил Нива.

Все засмеялись.

— К чему это? Ты все равно не сможешь удержать их от женитьбы, — сказала его тетя Минтака.

Такие речи раздражали Ниву и приводили в ярость. Он не был маленьким и беспомощным! Во всяком случае, он мог идти за ними, может, ГиМэри выполнит свою угрозу и пойдет к ководи. А он так хотел увидеть их и деревянную пчелу! Наконец решили, что за ними будет следовать Минтака, ее тетя — она женщина пожилая, к тому же родственница.

Нива последовал на небольшом расстоянии за тетей Минтакой. У него не было к ней доверия после того, как она преследовала его с мачете. Джунгли скрывали в себе много опасностей, это он хорошо знал. Но если она поймает его, то положение ухудшится.

Вечером Минтака догнала пару. Нива обнаружил их под банановым деревом в горячей дискуссии. Нанкиви высоко поднял копье над головой и попробовал страхом прогнать ее, но

она не поддавалась. Наконец ГиМэри использовала тот же самый трюк, как и в деревне:

— Если вы не разрешаете мне выйти замуж за Нанкиви, то я пойду к ководи. Пусть они убьют меня, мне все равно.

Она отошла от них на несколько шагов, но тут заметила, что начинает темнеть, и уже поздно идти дальше. Минтака и Нанкиви наблюдали за ней, пока она не повернула и не пришла назад. Они снова разговаривали, ели бананы, а потом стали готовиться ко сну. Но Нива мог понять из их разговора только отдельные слова.

Без ужина Нива свернулся между высокими корнями хлопчатого дерева и попробовал согреться. Вскоре он заснул.

На следующее утро его разбудила громкая ссора.

— Почему ты не идешь домой, старая женщина? — кричал Нанкиви.

ГиМэри и он пошли дальше в джунгли. Но Минтака следовала за ними в нескольких метрах. Нива спешил, чтобы за всеми листьями и лианами не потерять их из виду.

Высокие девственные деревья образовали плотную крышу и пропускали мало солнца, менее высокие деревья образовывали второй слой листьев. Там, где они были особенно густыми, вниз проникало очень мало света, из-за чего деревья и лианы внизу были слабее и тоньше. Поэтому Нива мог видеть всех троих на некотором расстоянии. Но иногда крыша над головой не была такой густой и пропускала больше света. Тогда земля в лесу

становилась густо заросшей, и Нива терял из виду ГиМэри, Нанкиви и Минтаку. К счастью, из-за следа, протоптанного в густых растениях, трудно было сбиться с пути, и Нива следовал по проложенному пути и голосам.
Весь день Нанкиви и ГиМэри то и дело поворачивали к реке Курарай — обычно тогда, когда они снова безуспешно пытались уговорить Минтаку повернуть назад. Через некоторое время они пошли в другом направлении. Для Нивы было ясно, что эти двое больше заинтересованы в том, чтобы отвязаться от Минтаки, чем убежать от ководи. Найдет ли он когда-нибудь деревянную пчелу, если будет следовать за этими троими?
На второй вечер, когда они были очень близко к реке, в разговоре появился новый аргумент. Нива осторожно подошел к ним и спрятался между бамбуковыми деревьями, чтобы все слышать.
— Я больше не буду заботиться о тебе, — услышал он голос Минтаки. — Если ты хочешь выйти замуж за этого глупого человека, что мне до того, что ты губишь свою жизнь? Но я не могу без тебя возвратиться в Тиваено, тогда все увидят, что я не выполнила свою задачу. Значит, вы должны терпеть мое присутствие.
В это мгновение на Ниву напала змея. Он так резко отпрыгнул в сторону, что с шумом упал в мелкий кустарник.
Нанкиви услышал шум и обнаружил Ниву — и это именно в тот момент, когда он почти добился того, чего так сильно хотел. И тут Нива

все испортил, ведь он стал свидетелем того, что Минтака уже хотела сдаться. Теперь все село узнает, что случилось. Нива сломал все его планы. Мужчина в ярости поднял копье и пошел на Ниву. Ненависть сверкала в его глазах.

Первая встреча

В то время как Джим Эллиот, Пит Флеминг и Роджер Юдериан молились утром 3 января 1956 года, Нейт Саинт и Эд Мак-Килли взлетели, их целью был Палм-Бич. Для всех это был самый волнующий день в жизни. Ради этого дня они трудились весь последний месяц. Над морем джунглей висели клубы тумана, но когда они летели над песчаным перекатом на реке Курарай, то воздух уже прояснился. Прежде чем приземлиться, они хотели три раза облететь и посмотреть перекат. Но уже при втором облете все выглядело так хорошо, что Нейт Саинт сел на песок.

Как только самолет остановился, они оба выпрыгнули из самолета и огляделись. Это место будет их базой для встречи с аука. Эд взял фотоаппарат и пошел на другой конец переката, а Нейт в это время приготовился к старту на другом конце. Они намеренно не взяли с собой в первый полет никакого снаряжения, чтобы вес самолёта для первого старта был как можно меньше. Если машина не сможет взлететь пустой, то им придется сидеть здесь и ждать, пока не создадут группу спасения и не спустятся по реке на лодке. На это ушел бы не один день.

Нейт завел мотор. Поднялось облако песка и водяных брызг. Затем он поехал навстречу Эду, который держал наготове

фотоаппарат. Нейт подъезжал все ближе, и казалось, что он не торопится. Сможет ли он вообще набрать нужную скорость, чтобы подняться? Сейчас никто не мог знать этого. Половина дистанции была позади. Машина прошла остаток пути переката. Что бы делал Нейт Саинт, если бы ему пришлось остановиться? Осталось бы еще время на остановку, прежде чем он носом плюхнулся бы в воду или стукнулся о деревья на противоположной стороне?

И тут Эд со вздохом облегчения увидел, что колеса оторвались от песка.

Нейт держал самолет близко к земле, чтобы поднять скорость. Только в последнее мгновение перед самыми деревьями он потянул резко вверх.

Следующим рейсом Нейт привез с собой Джима и Роджера, так что Эд уже не был один, а Нейт поехал за продуктами. Джим, Роджер и Эд тут же принялись валить самые высокие деревья, чтобы сделать более безопасными взлет и посадку. После того как Нейт привез им некоторые орудия труда, радио и доски, братья принялись сооружать домик на высоком дереве на краю леса. Позднее они хотели сделать на нем крышу из алюминия.

Наконец, после пятого рейса, Нейт попрощался и полетел к деревне аука. Он кружил над деревней и через мегафон приглашал людей на встречу на следующий день:

— Я люблю вас! Приходите завтра! Приходите завтра!

Он старался ясно выговаривать слова, которые

выучил от своей сестры Рахили Саинт и от женщины аука Даумы. Потом он полетел к миссионерской станции, где хотел провести ночь со своей семьей. На следующее утро он собирался привезти Пита Флеминга и остаток запасов в Палм-Бич.

Если настанет следующий день, то он будет днем первой встречи с аука.

В ту же ночь, когда затушили лампу и три миссионера забрались на платформу на высоте девять метров от земли, Эд Мак-Килли сказал:

— Давайте помолимся.

Все поддержали его. Они стояли с москитными сетками на лице, и Эд молился:

— Господи, мы благодарим Тебя за то, что Ты благословил наше прибытие сюда, и что Ты помог нам сделать эту платформу до наступления темноты. Сохрани Пита и Нейта, когда они полетят завтра к нам. Но прежде всего, Господи, подари нам успешную встречу с нашими друзьями аука. Аминь.

Несмотря на неустойчивую позицию, все спали хорошо. Но среди ночи их разбудил ужасный крик совсем невдалеке.

— Что это такое? — спросил Джим и сел.

Его сердце сильно стучало.

— Неизвестно, — ответил Эд. — Мне послышался женский голос, и совсем близко.

Роджер несколько раз кашлянул.

— Это был не человек, — заявил он. — Это была кошка.

— Кошка? Ты думаешь, ягуар? — переспросил Джим.

— Они ревут и фыркают. Я не думаю, что они так кричат, — проговорил Роджер.
— Что же это все-таки было? — спросил Джим.
— Может, пума — горный лев? Знаешь, они так кричат, — сказал Роджер. — Где фонарик? У кого наши пистолеты?
— Вот фонарик. Ружье внизу, в самолете, но где пистолеты, я не знаю, — ответил Эд. — Скажи-ка, могут ли эти кошки лазить по деревьям?
Роджер засмеялся.
— В этом можешь не сомневаться. Особенно ягуары хорошо лазают по деревьям... к тому же они чудесные пловцы.
Они больше не слышали шорохов от кошки, но на следующее утро нашли на песке след. Видно, это действительно была пума. После этого случая они старались, чтобы пистолеты всегда были под рукой.
— Но не применяйте оружие как можно дольше, — сказал Джим. — Если аука смотрят за нами, то длинное ружье может отпугнуть их.
Самолет прилетел после того, как исчез утренний туман. Пятеро братьев поздравили друг друга с новым днем. В этот день они надеялись познакомиться со своими друзьями аука.
Утром, после чтения Библии и молитвы, они принялись улучшать свою лежанку, пытаясь как можно меньше потеть. Чтобы хоть немного отдохнуть от непрекращающихся атак комаров и мошек, они то и дело окунались в про-

хладную воду реки. Джим Эллиот смог, кроме этого, поймать маленькую рыбку. И каждый муж написал письмо своей жене. Нейт возьмет их с собой на базу, когда полетит за новыми запасами.

Время от времени они делали попытки привлечь индейцев. Они кричали в джунгли, окружающие их:

— «Пуинани! Пуинани!», что означало «Добро пожаловать!»

— Я не удивлюсь, если они спрятались в джунглях и внимательно наблюдают за нами, — сказал Нейт, который сидел наверху в домике на дереве и пробовал отремонтировать радио. — Они очень любопытный и жестокий народ, но совсем не глупый. Они хотят все точно узнать про нас, прежде чем прийти в наш лагерь.

— А что, если они до сих пор не вышли из своей деревни? — спросил Эд. — А что, если они совсем не знают, где мы есть?

— Я тебе скажу, как только закончу. Подожди-ка, мне кажется, я что-то слышу. — Он начал говорить в свой микрофон: — Шелл-Мера, Шелл-Мера. Здесь Палм-Бич. Слушайте нас.

Послышался треск в наушниках, и затем он громко и ясно услышал голос Мэри. Они несколько минут разговаривали между собой и затем Нейт, смеясь, сообщил другим:

— Братья, мы снова подключены к цивилизованному миру.

Среда прошла без встречи. Когда Нейт после

обеда полетел на базу, он пролетел над деревней аука, прежде чем лететь в Шелл-Меру, чтобы отдать письма и взять запасы.

В четверг Нейт вернулся рано утром, но и этот день прошел без всяких движений со стороны аука. Братья начали унывать.

В пятницу утром незадолго до обеда, когда пятеро миссионеров начали снова кричать в лес, они вдруг услышали, что им кто-то отвечает с другого берега. После этого из джунглей вышли трое индейцев — мужчина и две женщины.

Обе группы осторожно приближались друг к другу. Миссионеры снова и снова повторяли: «Пуинани! Пуинани!».

Мужчина аука ответил длинным предложением, из которого миссионеры не поняли ни слова.

Но мужчина казался приветливым, и это очень радовало их. Молодая девушка повторяла одно и то же предложение, которое звучало вопросом, но и в нем не было ни одного понятного слова.

— Попытайся сказать те слова, которым Рахиль научила тебя, — сказал Нейт Джиму.

Джим сказал одно слово — он думал, что оно означает «кушать», но индейцы не отреагировали на него, пока он не показал руками, что хочет есть. Они улыбнулись, и все опять стали повторять одно слово, которого белые не понимали.

Молодая женщина убежала в джунгли, и через несколько минут прибежала с полными рука-

ми белых толстых личинок. Одну из них она сунула в рот, а другие предложила белым мужчинам.
— Битти мити пунимупа! — сказал Джим.
Он подумал, что они, может, вспомнят эти слова, которые часто слышали. Аука засмеялись, при этом каждый закрывал рот рукой, улыбаясь друг другу. Наконец, пожилая женщина сказала им то же предложение: «Битти мити пунимупа!», но это слышалось совсем по-другому, не так, как произнес это Джим.
— Мы совсем неправильно выговариваем слова, — не выдержал Эд. — Видно, они ничего не поняли из того, что мы им сказали.
— Нет, я не думаю, — возразил Нейт. — Они, очевидно, поняли, что мы хотели сказать словами: «Я люблю тебя», они только поправили нас.
— Да? Откуда ты это знаешь? — Эд не был так уверен. — То, что сказала женщина, слышалось совсем по-другому, чем сказал Джим. Как ты можешь так точно знать, что означает это предложение?
Они экспериментировали словами и фразами, значения которых не знали. Поистине, как тяжел язык аука!
— А что, если та женщина, у которой Рахиль учит язык, не из племени аука? — высказал свои сомнения Пит. — Может, она из другого, незнакомого племени, которое родственно племени аука.
— Нет, нет, — успокоил его Джим. — Даума

из племени аука, в этом нет сомнения. Они все из одного племени. Посмотри, как у них волос подрезан — челка, как у пони, через весь лоб. Посмотри, как они одеты — ни одной нитки на всем теле. Посмотри на эти круглые пробки в мочках ушей. Даума точно из племени аука.

Вдруг пожилая женщина разволновалась. Она подошла к Джиму, бурно жестикулируя и что-то быстро говоря. Казалось, она задает ему вопрос.

— Слушай ее внимательно, — сказал Эд. — Она говорит «Даума»! Она спрашивает о Дауме. Они, видно, знают ее.

— Даума, Даума, — Джим быстро закивал головой. — Даума, да, она! — он перешел на испанский: — Даума, Даума.

Наконец они установили какую-то связь, своего рода понимание. Но что все это означало? Обсудив свой успех, они были обрадованы и в то же время озабочены. С одной стороны, эти люди хорошо знали Дауму. С другой стороны, они поняли, что жители деревни не поняли их разговор через мегафон. Это означало, что у аука не было столько дружелюбия, как они надеялись. Несмотря на это, их первая встреча закончилась благополучно. Эти индейцы казались дружелюбными. Молитвы миссионеров, казалось, были услышаны.

Аука проявили большой интерес ко многим вещам, которые белые показывали им, например: резиновые пояса, цветные шары и малень-

кую модель жёлтого самолёта. Через некоторое время мужчина аука пошел к самолёту и стал внимательно рассматривать его.

— Видите, — тут же подбежал Нейт, — вот так открывается дверь, а здесь я взбираюсь в самолет… — как будто мужчина вдруг стал превосходно понимать английский.

Может, он понимал больше, чем они думали, но он неожиданно стал махать своим мачете в самолёте и руками показал, что хочет полетать на этой машине. Он был так настойчив в своем желании, что Нейт, наконец, полетел с ним. Через несколько минут они уже кружили над деревней аука. Мужчина открыл окно и махал, и кричал опешившим жителям. «Это же фантастично, — думал Нейт. — Его друзья и родные увидели его, поймут, что мы не опасны и посетят нас».

На обратном пути в Палм-Бич он вызвал Мэри и сообщил ей добрую весть о первой успешной встрече.

В обед дикари ели с миссионерами гамбургеры с горчицей и пили лимонад. Кое-что из еды им понравилось, а иное они выливали. Миссионеры все время фотографировали совместное общение, но аука не боялись и не интересовались фотоаппаратом.

Вечером мужчина с молодой женщиной оставили братьев и ушли в джунгли.

— Ну, — заметил Эд, — не дайте им уйти. А что, если они больше не придут?

— А что же нам делать? — спросил Пит. — Они же не пленные. Они, наверняка, придут

опять, так как чувствовали себя здесь хорошо. К тому же похоже, что эта пожилая женщина хочет остаться здесь.
Она свернулась в клубок около огня, ногами к костру. Казалось, что она тут же заснет, и миссионеры залезли в свой домик на дереве и благодарили Бога за чудесный день.
Но наутро оказалось, что женщина бесследно исчезла.
— Не переживайте, — сказал Джим, потягиваясь, — они обязательно придут. Я уверен в этом.
Но целый день — была суббота, — никого не было, и пятеро братьев начали переживать, что связь прервалась.
— Итак, я жду еще пять минут. Если они не появятся, то я полечу к деревне, и посмотрю, что случилось.
Прошло пять минут, потом десять, затем двадцать. Наконец, Нейт и Пит полетели. Для них это было неожиданно — жители, увидев их, убегали в свои дома и в джунгли, когда они кружили над ними, как и раньше. Пит спустил узелок, в который завернул брюки, чтобы убедить их в своем дружелюбии.
— Происходит что-то удивительное, — сказал Нейт, приземлившись. — Я, правда, не знаю, что это значит, но они ведут себя по-другому, чем всегда. Кажется, как будто они боятся нас.
При повторном полете Нейт увидел мужчину, который посетил их в Палм-Биче. Он стоял рядом с мальчиком, который часто махал им с платформы. «Он, видно, тоже хотел бы

полетать», — подумал Нейт на обратном пути. У него было намерение отвезти в Шелл-Меру полную пленку, остаться на ночь со своей семьей, а на следующее утро полететь назад с новыми запасами.

В этот вечер четверо оставшихся миссионеров молились о следующем дне.

— Господи, — начал Джим. — Мы просим Тебя, чтобы завтра нас посетили аука и затем пригласили нас к себе.

Когда Джим кончил молитву, Эд заметил:

— Как было бы хорошо отпраздновать вместе с ними воскресенье. Это было бы чудесно!

Затем они надели свои москитные сетки и усталые заснули в доме на дереве.

На следующее утро Нейт летел назад над селом. Оно выглядело почти пустым. Когда же он полетел дальше вдоль реки, на одной из дорог, ведущей к реке Курарай, он увидел примерно десять мужчин аука.

— Аллилуйя! — воскликнул он, хотя был в самолете один.

Когда он приземлился, то крикнул своим друзьям:

— Радуйтесь, друзья! Они на пути сюда.

Они усердно стали готовиться к принятию гостей, и перед обедом передали своим женам по радио:

— Вот и пришло время! Молитесь о нас. Аука примерно через два часа должны быть здесь. В половине пятого ждите новых сообщений.

Шелл-Мер и Палм-Бич охватило волнение.

Но в половине пятого радио на столе Мэри Саинт молчало.

Каннибалы

Когда Нива увидел ненависть в сверкающих глазах Нанкиви, он побежал спасать свою жизнь. Копье, направленное на него, не было пустой угрозой. Тот уже убивал людей и снова сделает это, так как Нива стал свидетелем, что Минтака не хотела больше исполнять поручение, данное ей, — удержать Нанкиви и ГиМэри от брака. Если жители деревни услышат об этом, то, возможно, планы Нанкиви разрушатся.

Нива бросился на дорогу и свернул раз, потом другой. Он знал, что все еще бежит по направлению к Тиваено, прочь от реки Курарай, где приземлилась деревянная пчела. Но когда он остановился, то не мог понять, где находится. Он попробовал дышать потише и прислушался к шорохам. Если Нанкиви все еще преследует его, то его будет слышно. Нива слышал высоко на деревьях крик обезьян и щебет птиц пеликанов, который смешивался с жужжанием и гудением миллионов различных насекомых. Но он не слышал ни шагов Нанкиви, ни треска веток, если бы тот пробирался через заросли. Может, этот злой человек возвратился к ГиМэри?

Но на сегодня Нива устал шпионить. Он решил идти домой. Придя в Тиваено, он решил ничего не рассказывать о том, что видел и

слышал. Минтака была права. Почему ГиМэри не должна делать того, что ей хочется? Если она хочет выйти замуж за такого злого человека, то сама будет страдать от этого. А что касается деревянной пчелы и ководи, то он займется этим попозже.

Совсем по обычаю аука мать даже не спросила, где он был, когда увидела его переходящим реку. Весь мокрый, он зашел в дом и сунул большую тыквенную бутыль в липкий соус маниоки. Затем пошел к своей подвесной кровати, плюхнулся в нее и впервые за полтора дня по-настоящему поел.

На следующий день Нива услышал знакомый гул деревянной пчелы и побежал к просеке, чтобы посмотреть, как она кружит над селом. Он наблюдал за ней, и от удивления у него открылся рот. Вместо двух ководи в животе деревянной пчелы он увидел знакомое коричневое лицо в усмешке. Пчела низко пролетела над просекой, и мужчина помахал рукой.

— Это Нанкиви! Это Нанкиви! — кричали некоторые дети и прыгали от восхищения.

Все жители Тиваено высыпали на улицу и уставились на небо. Это было невероятно! Может, пчела съела его?

«Нанкиви постигло наказание за то, что он украл мою сестру», — подумал Нива.

Но Нанкиви выглядел целым и невредимым, как будто он плыл на лодке по реке, не прилагая никаких усилий.

Вечером это событие было темой разговоров номер один. Истории об охоте, ловле рыб и

убийстве врагов были забыты. Все только и говорили о Нанкиви в деревянной пчеле. Прежде ненавидимый человек стал теперь в глазах жителей Тиваено чуть ли не героем.

— Теперь я потеряла у ководи двух дочерей, — жаловалась Акаво.

Она сидела на пне, скрестив руки на груди, качаясь взад и вперед.

— Мы можем посетить ководи на реке Курарае, — предложил Нива, чтобы ободрить свою мать.

Он также надеялся покататься в деревянной пчеле. Но его мать не обращала на него внимания. На следующее утро брат Нивы Нампа, его мать Акаво и некоторые другие аука пошли к реке Курарай. Нива тоже пошел с ними. Даже опасение встречи со злобным Нанкиви не мешало его желанию полетать в деревянной пчеле. Притом, после всех событий — полета в деревянной пчеле и знакомства с ководи — Нанкиви наверняка забудет, что Нива шпионил за ними.

Но прежде чем прийти к реке, они встретили в джунглях Нанкиви с ГиМэри. Эта пара, казалось, была сильно удивлена, увидев столько людей, и Нанкиви злобно взглянул на Ниву. Нампа тут же подбежал к ним.

— Почему ты здесь в джунглях один, с моей сестрой? — спросил он и, подняв копье, был готов убить Нанкиви.

— Подожди, подожди. Не убивай меня, — попросил Нанкиви. — Мы только что ушли от ководи. Вы тоже в опасности.

В этот момент Акаво втиснулась между двумя мужчинами.
— Ты был у ководи, — ты видел мою Дауму? Она схватила Нанкиви за руку и тряхнула ее. Нанкиви посмотрел то на одного, то на другого. Вопрос Акаво был как раз кстати. Нива внимательно наблюдал за ним и мог буквально прочитать его мысли. Если Нанкиви сможет увести Нампу и других от разговора о том, что он был наедине с ГиМэри в джунглях, то сможет спасти свою жизнь.
— Ах, добрая женщина, — начал Нанкиви. — Мы не видели твою дочь. Кто ее может увидеть? Боюсь, что ководи съели ее. Они очень злые!
— Я не верю тебе, — вступилась Акаво. — Ты летел с ководи в деревянной пчеле. Они не могут быть злыми. Мы видели тебя высоко в воздухе.
— И я не верю тебе! Отвечай, — раздраженно проговорил Нампа, — где Минтака? Мы спросим обо всем у нее.
— Да, — сказал один из жителей, — мы спросим Минтаку о Дауме! Где она? Мы не верим тебе! Где Минтака?
Нанкиви склонил голову.
— Я не слышу ее, — он пожал плечами. — Минтака должна была бежать в другую сторону. Если белые мужчины не поймали ее и не съели, то, может, она придет позднее. — Он резко покачал головой. — Нет, нет. Вы должны все пойти домой. Ководи злые. Их много. — Он показал рукой пять пальцев. — Они пытались убить нас.

Усиленная попытка Нанкиви — увести разговор о себе и ГиМэри в другое русло — начала действовать. Тревожные вести о ководи воспринимались с большим интересом. И то, что некоторые люди из их деревни имели встречу с ними, сбило с толку жителей Тиваено. На обратном пути все только и спорили о том, являются ководи каннибалами или нет.

Нива в одиночестве следовал за всеми. Он был смущен. Он не верил тому, что рассказывал Нанкиви, но он не спешил говорить, чтобы не обратить на себя внимание.

Будет лучше, если Нанкиви забудет, что Нива следовал за ним и ГиМэри и слышал их тайные брачные планы. К тому же его смущало исчезновение Минтаки. Действительно, где же она?

Наконец Гикита, деревенский староста, вспомнил все случаи, когда незнакомцами были убиты люди из их села. У них были длинные палки, которые громко стреляли и плевали огнем. Этот огонь мог убивать на большом расстоянии.

Когда люди вернулись домой, все они были готовы к сражению. Одни боялись, другие сердились. Но почти все придерживались мнения, что самое лучшее — убить ководи, прежде чем ководи убьют их.

— У них есть эти палки, которые стреляют? — спросил Кимо.

Нанкиви начал кивать, но ГиМэри опередила его.

— Мы не видели никаких огненных палок, но они пробовали отравить нас незнакомой пи-

щей. Мы остались живы потому, что выплюнули ее.
— Они пробовали отравить вас? — удивлено спросил Нампа.
— Если они пытались отравить вас, тогда они точно каннибалы, это я знаю, — сказала одна из женщин.
— Если у них нет огненных палок, то мы легко можем убить их, — сказал Кимо.
— Я думаю, что нам все же нужно оставить это место, — заявил Гикита. — В джунглях они нас не найдут. Скоро они устанут и уйдут. Но если мы их убьем, то об этом услышат другие ководи. Они рассердятся и не оставят нас в покое. Они пошлют много деревянных пчел, чтобы найти нас.
— Нет, нет, — сказал Кимо, — если мы их убьем, то все будет кончено.
— Такое уже случилось один раз, — напомнил Гикита.
Нива не знал, что ему и думать. Он не очень-то любил свою тетю Минтаку, но все же надеялся, что ководи не съели ее. Ему трудно было поверить, что они были каннибалами. Но, очевидно, большинство жителей села верили, что они каннибалы и съели как Минтаку, так и Дауму.
Все люди были разгневаны. Мужчины точили свои копья и намазывали стрелы новым ядом. Переживая, они строили планы, как уничтожить чужих одним ударом, пока они не напали на их деревню, иначе для чего бы ководи пришли в джунгли?

И тут совсем неожиданно на деревенскую площадь вышла Минтака.
Все собрались вокруг женщины.
— Ты жива? — удивленно спрашивали они.
— Яд ководи, видно, не такой сильный, как наш, если он не убил тебя.
Вначале Минтака никак не могла понять, почему они так заинтересовались ею. Но ей нравилось внимание, и она приветливо улыбалась, когда все испытующе ощупывали ее.
Нива пробрался вперед и спросил:
— Они нападали на тебя?
Но Минтака игнорировала его, она и дальше хотела быть в центре внимания.
— Ководи нападали на тебя? — спросил Нива громким голосом. — Они хотели тебя съесть?
Минтака повернулась и сморщила лоб.
— Они вообще не нападали на меня, — сердито сказала она. — Как тебе в голову вообще пришла такая глупая идея?
— Это дело яда, — быстро сказал Нанкиви, он понял, что его обман сейчас откроется. — Яд расстроил ее разум. Она уже ничего не помнит.
— О чем ты вообще говоришь? — спросила его Минтака. — Ты тот, который рассказывает о том, чего не было.
Вдруг все заговорили разом, и во всеобщем шуме правда обо всем этом деле вышла на свет.
— Он обманывает, — наконец объявила Минтака. — Ководи не нападали на нас. Я не знаю, едят ли они людей, но они не нападали на нас. Они были очень дружелюбны к нам. Они даже взяли Нанкиви с собой в деревянную пчелу.

Напоминание о том, что Нанкиви летал в деревянной пчеле, привело людей в чувство, потому что все видели это своими глазами.
— Это была всего лишь ловушка, чтобы успокоить нас, — стоял на своем Нанкиви. — Но мы увидели эту ловушку и убежали.
— Разницы нет, было это ловушкой или нет, — закончил Гикита все разговоры. — Ководи всегда нападали на нас. Если мы не убьем их, то должны бежать в джунгли. Если мы не сделаем этого, то они рано или поздно убьют нас, в этом я уверен. До сих пор это всегда было так. Мы должны выбирать: убивать или бежать.
Снова все стали говорить, перебивая друг друга. Дискуссии у костра продолжались до позднего вечера. Усталый Нива, наконец, упал на свою кровать и заснул, не зная, что случится завтра.

Ангелы в небе

На следующий день Нива проснулся намного позже обычного. Бегство от Нанкиви и ночь, проведенная в джунглях, сильно утомили его. Он вышел на просеку и увидел, что некоторых мужчин нет в деревне. Были они на пути, чтобы убить ководи? Нигде не было видно Нимонги, Дуивы, Гикиты, Кимо и его старшего брата Нампы. И жена Кимы Дава, исчезла. Кроме того, он обнаружил, что нет его матери и Минтаки. Где была Минтака, он не знал, но его мать ушла, скорее всего, на верхнее течение реки и там делала горшки.

Нанкиви, занятый разговором с ГиМэри, все же был в деревне. Наверняка Нанкиви пошел бы, чтобы убить ководи. Тем более, что он больше всех кричал, что они очень злы, и громко ругал их. Облегченно вздохнув, что Нанкиви здесь, Нива подумал, что жители деревни отменят свой план — убийство чужих. «Видно, мужчины пошли на охоту», — подумал Нива.

Над огнем висела и коптилась большая рыба. Нива отломил от нее кусок и начал есть. Кости он выплевывал в костер. Закончив свой завтрак, он облизал пальцы и поиграл со своей ручной обезьянкой. Он хотел спросить ГиМэри, что старейшины деревни решили насчет ководи. Ответ ГиМэри прозвучал так легкомысленно, как

будто она хотела сказать, что ее мать ушла рвать бананы.
— Когда они нашли правильное решение, то Минтака и Дава пошли с мужчинами, чтобы убить ководи, — сказала она.
— Что?
— Ты что, плохо слышишь? — спросила она вместо ответа.
Нанкиви и ГиМэри наблюдали, как он воспринял новость.
Нива был обеспокоен. Почему его мать и Минтака пошли с ними? Ведь его мать думала, что ее дочь Даума живет у ководи, и ей там хорошо. И Минтака утверждала, что чужие мужчины не были злы и что они не нападали на нее. Ниве не понравилось насмешливое лицо Нанкиви. Может, ГиМэри не сказала правду? Он встал и пошел искать Дабу и Мойпу. Может быть, они скажут ему, что случилось...
Он нашел своих друзей наверху, в глиняной бухте. Они были заняты одной из своих любимых игр: катались с глиняного холма в речку.
— Вы знаете, куда пошла моя мать с мужчинами?
Мойпа встал. С его лица стекала вода.
— Да, они пошли, чтобы убить ководи, — сказал он. — Мы тоже хотели пойти вместе с ними, но они не взяли нас.
— Ты точно знаешь? Когда они ушли?
— Сразу после восхода солнца, — сказал Дабу.
Нива посмотрел на небо, и плечи его опустились.

— Ах, если я побегу, то я уже не догоню их, — жалобно произнес он. — Они сейчас должны быть почти у реки.

Сломя голову Нива бросился через воду и свернул на дорогу, ведущую в джунгли. Он должен попытаться предотвратить убийство. Он был уверен, что деревянная пчела принесла жителям только хорошее. Он побежит и забьет тревогу. Но даже если он будет бежать всю дорогу, они все равно будут у реки быстрее него. А может… может, они не сразу нападут. Аука часто ждали нужного момента, чтобы напасть. Нива бежал и бежал, пока у него не появилось чувство, что его легкие разорвутся. Тогда он сбавил темп, пока его дыхание не выровнялось. Когда он, наконец, сбежал по холму вниз к реке, то услышал крики и громкие выстрелы, такие громкие, каких прежде он никогда не слышал. Неужели это огненные палки ководи, о которых говорил Гикита? Неужели нападение уже началось?

Когда Нива вышел из джунглей на берег, он тут же увидел пять мертвых тел незнакомцев, которые лежали в реке и на берегу. В их телах торчали копья. Он опоздал!

Как же так! Он так спешил, так быстро бежал, и все же — убийство состоялось. Он хотел посмотреть мертвецов, может, кто-то из них жив, но комок в горле остановил его, и он остался стоять у края джунглей.

Резкая боль судорожно сжала желудок еще раз, пока он не освободился от рыбы, которую

недавно поел. Горечь во рту, казалось, подходит к такому горькому дню.

— Что же теперь будет?

Он стоял и видел, что другие аука не смотрят с ужасом на содеянное. Наоборот, они взволнованно бегали туда и сюда и показывали пальцем на небо. Нива медленно поднял голову и вскрикнул от страха. Казалось, воздух над рекой наполнен светлыми мерцающими существами. Может, у него не все в порядке с разумом? Может, он долго был на солнце и получил солнечный удар? Но другие аука тоже видели их. Они показывали на них и кричали от страха и неожиданности. Были ли это духи ководи, посланные для наказания за смерть пятерых белых мужчин? Но по неизвестной причине у Нивы не было страха. Светлые создания не имели оружия. К тому же они выглядели по-другому, чем все люди, которых он видел до сих пор. Они были для всех явно видимы, но при этом казалось, что они созданы из сверкающей воды. Их было ясно видно, но в то же время они были прозрачны и просвечивались.

И тогда он услышал этот удивительный шорох. Казалось, он исходил от этих блистающих созданий. Он прислушался. Это было подобно пению, совсем не такому, как однообразная музыка в его племени, но, во всяком случае, он понял, что это было пение. Нива огляделся вокруг. Казалось, этими существами заполнено все небо — как светящимися червями теплым вечером, но намного больше и светлее, и свет

не их мигал. Звуки их пения наполняли всю речную долину. А потом… видение исчезло — как светящиеся создания, так и пение — и небо снова стало голубым, как и в обычный день в джунглях.

Когда пение закончилось, страх, как огромное облако, накрыл маленькую группу аука. Нива видел, как они уже менее усердно бросили вещи ководи в реку и разбили самолет. Они сорвали с него желтую кожу, а останки бросили на берегу. Когда они достигли апогея разрушения, Нива потихоньку прокрался на берег и поднял кусок желтой кожи от деревянной пчелы. Кожа была крепкой и сухой. Он скатал ее и взял с собой, а потом исчез в сырых зарослях джунглей. Очень скоро аука завершили свое черное дело и молча отправились в обратный путь.

Нива следовал за молчаливыми воинами. Это сражение не было похоже на все предыдущие, которые они вели с другими племенами аука. Его брат Нампа одной рукой придерживал голову, и Нива заметил, что он несколько раз споткнулся. Когда Нампа повернул голову, то Нива увидел, что он ранен и по щеке у него бежит кровь.

Прибыв в Тиваено, они были тут же окружены жителями, которые засыпали их вопросами.

— Они использовали свои огненные палки?

— Да, — ответил Гикита. — Посмотрите на Нампу. Ему попали в голову, но это легкое ранение.

— У меня только ужасные головные боли, —

сказал Нампа, сидя на пне и подпирая голову обеими руками. — Но ководи не пытался убить меня. У него была маленькая огненная палочка, которую он держал одной рукой.
— Откуда ты знаешь, что он не хотел убить тебя? — спросила ГиМэри, его сестра.
— Потому что он стрелял только в воздух, — ответил Нампа, взглянув на нее, — пока мать не потянула его за руку и пуля попала в меня. Она толкнула меня на землю, но, когда я посмотрел на него, то он испугался так же, как и я. Он не пытался убить меня, я уверен в этом.
— В Даву тоже попали, — рассказывала Минтака. — Но огненная палочка только легко ранила ее.
Дава встала, чтобы все могли посмотреть ее рану. Она показывала на маленькую дырочку на руке и другую на коленке.
— Они не сильно болят, — сказала она.
Нанкиви встал.
— На самом деле ководи не такие опасные, как ты говорил, Гикита, если это весь вред, который они нанесли своими огненными палками.
— Ты ошибаешься, трус! Ты даже не захотел пойти с нами. Они даже не пытались убить нас. Спроси Даву. Она с тремя женщинами спряталась на другом берегу и всё видела. Мужчина с длинным ружьем даже не знал, что она там сидела. Это была только случайность, что он попал в нее. И ты слышал Нампу. Ководи не пытались убить его.

— А что они тогда пытались? — тревожно спросил Нанкиви.
— Может, они пытались выстрелами разогнать нас, — пожал Гикита плечами.
Затем встал Кимо.
— Один все снова и снова повторял: «Зачем вы убиваете нас? Мы хотим только познакомиться с вами».
— Что это значит? — спросил Нанкиви. — Вы смелые воины. Вы победили их. Им ничего не оставалось делать, как только просить о милости.
— К этому времени мы еще не победили их, — сказал Кимо. — Они могли убить нас, но не сделали этого.
— Один мужчина мог убежать, — вступила в разговор мать Нивы. — Он стоял на середине реки, и вблизи него никого не было. Вместо этого он стоял там, пока Кимо не подошел к нему и не убил. Он не боялся смерти.
— Да, это было так, — подтвердил Кимо. — Они были очень смелыми. И притом на небе было много духовных воинов, которые легко могли убить нас, если бы захотели.
Так в первый раз вспомнили о тех существах, которых видел Нива. Мальчик едва мог дождаться, чтобы услышать, что и другие видели то же, что и он.
— Духовные воины на небе, — усмехнулся Нанкиви. — Кто когда-либо слышал об этом? Видно, ты, как и Нампа, получил удар по голове.
— Я не получил удар по голове, — утверждал

Кимо. — Спроси у других, что они видели. Они тебе расскажут то же самое.

— Я видел их, — подтвердил Гикита. — Они были светлые, светящиеся существа, которые летали на небе над ководи. Если бы ты слышал удивительные звуки, издаваемые ими!

Другие воины подтвердили это.

— Мы ожидали, что они нападут на нас, но они не сделали этого, — сказали они.

— Может, это были другие деревянные пчелы. Они летают по небу и производят шум, — вставила ГиМэри.

Теперь Нива не мог больше молчать.

— Нет, — сказал он. — Деревянные пчелы сильно шумят, но они не поют. Эти духи пели чудесные песни. И через них можно было смотреть, как через родниковую воду.

Нанкиви бросил на него злобный взгляд. Он считал ниже своего достоинства отвечать мальчику.

— Чего я все еще не могу понять, — медленно сказал Гикита, — почему они вообще не защищались? Для этого должна быть какая-то причина. Почему они хотели лучше сами умереть, чем убить нас? Этого я не могу понять!

И снова до самой ночи все разговоры у костров были только на эту тему. Но никто не мог дать ответ на вопрос Гикиты.

Хаос

На следующий день над Тиваено кружили три деревянные пчелы. Они не были желтыми, как та, которую они разрушили у реки Курарай. Одна была серебристой, а другие — темнозеленые. Они долго кружили над деревней, но не спускали никаких подарков.
— Это совсем плохо, — сказал Гикита. — Теперь ководи сердятся и придут убить нас. Теперь мы должны оставить село.
— Я думала, что мы убили их, чтобы они оставили нас в покое, — насмешливо сказала Минтака. — Теперь ты говоришь нам, что они снова придут к нам.
— Да, — ответил Гикита. — Ведь мы знали, что случалось в прошлом, и нам не нужно было убивать их. Несколько лет назад мы убили только одного из них, а они месяцами гнали нас по джунглям своими огненными палками. Теперь мы убили пятерых незнакомцев. Естественно, они будут сильно мстить нам.
На этот раз жители деревни слушали его. В тот же вечер Кимо и Дава собрали свои скудные пожитки и исчезли в джунглях вместе со своими тремя детьми.
— Мы присоединимся к другой деревне аука, — сказал Кимо. — Здесь мы не можем больше жить.

Для аука возможно было присоединиться к другому селу, даже если оно было одним из тех, с

которым они раньше враждовали. Пришельцев обычно оставляли в покое. Через некоторое время они становились членами деревни. Если их не принимали, то они шли дальше или возвращались в свое старое село.

«И надо же им было ночью уходить, — подумал Нива, когда он увидел, как Кимо и Дава уходили в джунгли с детьми. — Они, видно, больше боятся ководи, чем анаконду или ягуара».

На следующий день еще одна деревянная пчела пролетела над деревней. Но она выглядела совершенно другой. У нее не было крыльев, и до сих пор никто не видел ничего подобного. Она выглядела как москиты с огромным глазом впереди. Это насекомое висело над селом и громко жужжало.

Все аука, даже Нива с матерью, побежали в джунгли.

— О нет, — плакала Акаво, — Что мы сделали? Выбрав правильное решение, Гикита предупреждал нас, что ководи придут, чтобы мстить нам. — Она громко заплакала, как будто стояла перед новой трагедией. — И если Даума жила у них, то ее наверняка сейчас убьют.

— Может, и нет, мама, — утешал ее Нива. — Хотя вчера над нами летали три деревянные пчелы, ководи не напали на нас. Может, Даума уговорила их, чтобы они оставили нас в живых.

— Она всего лишь аука, какую силу она может иметь? — опять запричитала мать. — Мы знаем, что в прошлые годы ководи убили многих наших людей. — Она обратилась к стар-

шему сыну: — Нампа, что ты думаешь? Ты сражался с ними. Может ли Даума просить за нас?

Нампа, у которого все еще сильно болела голова, так что он еле мог идти, только пробормотал:

— Не знаю. Меня это не касается. — Спотыкаясь, он пошел дальше.

Нива и его мать остановились у маленького озера и стали ждать. А Нампа пошел дальше по дороге в джунгли. Эти двое долго стояли, пока не стих гул деревянной пчелы. Затем они осторожно побежали назад в деревню.

Другие жители тоже вернулись и стали готовиться к переселению. Из-за некоторых вещей возникла ссора: что кто может взять себе. В первую очередь, вызвали ссору подарки незнакомцев. Один требовал себе топор, другой хотел иметь мачете, третий просто взял один из горшков. Только из-за одежды никто не ссорился. Большинство снимали ее с себя и бросали в огонь. Они не хотели выглядеть, как ководи. Вообще они не хотели иметь ничего, что напоминало бы им о ководи, но горшки, топоры и мачете были слишком ценными, чтобы просто выбросить их.

Но Нива не выбросил тот кусок кожи от деревянной пчелы. Наоборот, он завернул в него свою трубку и перевязал его лианой.

Нива целый день не видел Нанкиви и ГиМэри, и поэтому он подумал, что они убежали вместе. Другая жена Нанкиви как раз вела детей к реке. У каждого ребенка на спине был его

гамак, и еще он нес другие вещи. Гуськом они прошли в неглубоком месте и исчезли в джунглях.

— Мы тоже уйдем? — спросил Нива свою мать, — уже почти все ушли.

Акаво сидела в своем гамаке и смотрела на холодную золу от костра. Она сидела там все утро. Было необычным, что она просто так дала костру погаснуть. Теперь им придется искать горящий уголек в другом костре, чтобы их костер вновь горел.

— Мама, — снова начал Нива, переживая, что мать его безразлична ко всему. — Я голоден. Я пойду наловлю рыбы, а ты побеспокойся о костре. Тогда мы сможем поесть, когда я вернусь.

Нива пошел со своим копьем вниз к реке. Он знал, где всегда собирается рыба. Он очень переживал за мать. В таком состоянии он ее еще никогда не видел. Она вела себя так, как будто потеряла всю силу и надежду. Но и он чувствовал себя так же. Что же им оставалось делать? Их деревня распалась. Казалось, что ководи наступают им на пятки. Люди в страхе убегают, и вот его мать — казалось, она ускользает в другой мир.

Но когда Нива вернулся с двумя рыбами, он увидел, что Акаво исчезла. Точнее сказать — единственным человеком, кто остался в деревне, была его тетя Минтака. Она шла от дома к дому и просматривала оставленные вещи. Что она считала ценным, то брала с собой.

— Где моя мать? — спросил он.

— Кто знает, — пожала плечами Минтака. — Все исчезли в джунглях. Как я могу видеть твою мать, если ее нет.
Она подняла глиняный кувшин, критически осмотрела его со всех сторон и, наконец, сунула его в мешок.
Из страха, что Минтака возьмет себе рыбу, Нива не оставил её дома, но взял с собой на глиняный холм, где обычно делали горшки. Может, мать работает там.
Она часто ходила туда, когда о чем-то переживала, и руками мяла мягкую глину. Эта работа успокаивала ее.
Но и там ее не было.
Нива звал ее и искал с края джунглей на всех тропинках, ведущих из села, но никак не мог найти ее. Теперь он действительно переживал. Чувство тяжести разлилось по желудку.
Когда он снова вернулся в Тиваено, исчезла и Минтака. Нива побежал по оставленному селу. Он чувствовал себя одиноким и боялся. На небе собирались тяжелые тучи. Скоро пойдет дождь. Ему хотелось, чтобы его ручной попугай был здесь, чтобы пообщаться, но ведь он подарил его незнакомцам. Он еще немного поразмышлял: оставили они его у себя или съели.
На землю спускались сумерки, и брошенное село окутал необычный синий свет. Дома Нива сел в свой гамак и огляделся.
Гамак его матери был на месте, как и её горшки. С дерева свисала банановая ветка, и плоды на ней были почти спелыми. Сумка матери из пальмовых листьев висела на балке. Всё

выглядело так, как будто она ушла не насовсем.

«С другой стороны, — думал Нива в тишине, — она могла в волнении просто убежать в джунгли, ничего не взяв с собой». Что же делать? Если он уйдет искать её, то она, вернувшись, не найдет его дома. Тогда она подумает, что он ушел. А если он останется здесь... а, может, она нуждается в помощи?

Его размышления закончили первые капли дождя. Казалось, что надвигается сильный ливень. Он так хотел, чтобы его мать была здесь, но не было никаких шансов найти ее в тропическом ливне.

Тут он снова вспомнил, что его костер потух, и он не сможет вновь зажечь его. Он выбежал на улицу и обыскал близлежащие дома. Наконец, в доме Гикиты он нашел под золой несколько дымящихся головешек. Он сгреб их в горшок и побежал домой. Там он усиленно дул на них, подложив сухих веток, пока они не загорелись.

«Если мама придет домой, то у меня хоть будет огонь, чтобы ей обсушиться и погреться», — думал он. Затем он нацепил на палку рыбу и повесил ее над костром. После этого он лег в гамак, подумав, что, пока на улице идет дождь, рыба будет готова.

На следующее утро Нива все еще был один в деревне. Он решил искать Акаво. В том состоянии, в каком он видел ее в последний раз, она была не способна позаботиться о себе. Она могла пораниться, заболеть или заблудиться. Он должен найти её.

Нива собрал свое копье, трубу, стрелы, завернул горящие угли в пальмовые листья, чтобы у него был огонь, когда он вернется. Затем он пошел искать свою мать.

Пять дней Нива искал её в джунглях. Наконец, он нашел её полуживую, она лежала, свернувшись между корнями перечного дерева. Он принес из горного источника воды, нашел бананы и другие фрукты, чтобы она поела. Из бамбука и пальмовых веток он построил простой навес, зажег костер и только на короткое время оставлял её одну, чтобы поохотиться или половить рыбу. Проходили

недели, силы Акаво возвращались, и за это время Нива стал хорошим охотником.
Мальчик с матерью месяцами жили в джунглях одни, ходили вокруг, строили навесы из веток для защиты от дождя. Настоящий дом они не строили и не присоединялись ни к какой деревне.
Иногда они посещали другую деревню аука, оставаясь там на одну или две недели. Но рано или поздно Акаво опять становилась беспокойной и со страхом отправлялась в джунгли. Нива должен был следовать за ней.
Однажды они встретили ГиМэри, сестру Нивы. Она жила с Ипой, другой женой Нанкиви, в одной из деревень. Она рассказала, что брат Ипы убил Нанкиви во время ссоры.
— Теперь, — сказала ГиМэри безразлично, — когда мы остались одни, то живем вместе.
От ГиМэри они также узнали, что Нампа погиб на охоте. Подробности гибели не были известны. Некоторые рассказывали, что у него вдруг сильно заболела голова, и он умер в дороге. Другие говорили, что его задушила анаконда.
Но хотя они нашли ГиМэри, у которой от Нанкиви родился ребёнок, Нива не мог уговорить мать остаться в этом селе.
— Нет, — сказала Акаво, — со своим ребёнком у неё теперь своя жизнь. Теперь я осталась одна и должна найти Дауму.
Впервые, с тех пор как они оставили Тиваено, она вспомнила Дауму. Но Нива тут же понял, почему его мать была такой беспокойной. В

своем смятении она все еще искала Дауму. Если его старшая сестра ещё жива, и её какимто чудесным образом можно было найти, тогда они, может быть, никогда и нигде не остановились бы. Но как они найдут Дауму в своем бесцельном хождении по джунглям? Если она вообще еще жива, то находится у ководи. Положение казалось безнадежным.

Более двух лет Нива и Акаво переходили с одного места на другое. Однажды, когда поспели плоды хлопчатого дерева, они пришли в село, которое Гикита выбрал себе для жительства. К их большому удивлению, в это время туда же пришли его тетя Минтака и жена Гикиты Манкаму. Они рассказали интересную историю.

Год назад обе они убежали из джунглей и были приветливо приняты белыми.

— Нет, нет, — убеждали они всех, — ководи не едят людей, они ничего плохого не сделали нам. И к тому же, — сообщили они торжественно, — мы нашли Дауму! Она жива, и ей хорошо там!

Первая улыбка впервые осветила лицо матери с тех пор, как они ушли из дому.

Как и думала Акаво, её дочь все эти годы жила у ководи и научилась разговаривать на их языке. Вместе с Минтакой и Манкаму Даума выучила некоторых ководи своему родному языку.

— Но у белых очень плохие уши, — сказала Минтака с презрением, — они многого не могут понять.

Затем женщины рассказали, что Даума хочет снова возвратиться домой, и привести с собой двух женщин ководи, которые хотят жить вместе с аука.

— Итак, — сказала Манкаму своему мужу Гиките, — может, после всего услышанного ты вернешься в Тиваено и построишь новый дом? Наверное, и другим семьям тоже нужно вернуться туда?

Гикита долгое время сидел тихо, и смотрел то на одну, то на другую женщину, которые жили с ководи. Наконец, он сказал спокойным голосом:

— После того, как я увидел, что вы остались живы, я верю, что ководи не едят людей, и что мы убили их напрасно. Я вернусь назад.

Объединённые вновь

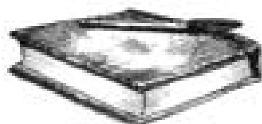
Готовность Гикиты возвратиться в Тиваено вдохновила Акаву, а надежда на встречу с Даумой полностью ее изменила. Теперь ей снова хотелось жить.

Это обрадовало Ниву. Его мать уже больше не бегала в трансе по джунглям. Теперь ему не нужно было переживать, что ночью, пока он спит, она снова куда-нибудь уйдет. Нива с матерью размышляли о будущем. Им нужно было решить много вопросов. Они тоже вернутся в Тиваено, и жизнь их изменится. После двух лет они в первый раз снова обрели надежду.

Но вначале им нужно совершить путешествие. Ходя по джунглям, они во многих селах встретили семьи из Тиваено. И теперь их задачей было посетить эти семьи и уговорить их вернуться в Тиваено.

Это путешествие длилось три недели. Они посетили многие семьи и поэтому были среди последних, возвратившихся домой. Но не всех им удалось найти. Некоторые умерли, как Нанкиви, который оставил вдовами двух жен. Но в других семьях родились дети и появились новые пары.

Когда Нива и Акаво вступили на просеку рядом с рекой Тиваено, они обнаружили, что от их старого дома ничего не осталось. Но все были рады видеть их.

— Вы будете жить у нас! — воскликнули Ипа и ГиМэри.

Некоторые из мужчин помогли им построить дом. Это было очень необычно для аука. Раньше никто не помогал соседу, если не видел в этом своей выгоды. Единственными совместными занятиями были охота и рыболовство.
Акаво улыбнулась своей дочери ГиМэри. Предложение было приветливым, особенно после тех разногласий, что раньше были между ними. Затем она спросила:
— А для кого строят тот новый дом со стенами?
По дороге в деревню они на своем пути прошли мимо нового дома. В нем не было гамаков, и мужчины усердно работали, ставя стены из расколотых бревен бамбука. Это было очень необычным, потому что дома аука очень редко имели стены.
— О, это для белых женщин, — объяснила ГиМэри. — Минтака и Манкаму сказали, что им нужны стены, они так привыкли.
Нива оглянулся.
— А где тетя Минтака? — спросил он.
— Я ее не вижу, — ответила ГиМэри как бы между прочим, как аука часто отвечают на вопрос. — Она с другими в дороге, чтобы привести белых женщин. Они уже скоро должны прийти.
Через два дня солнце уже скрылось за деревьями, когда на дороге показалась целая процессия людей, которые перешли реку и вошли в село.
— Они пришли! Они пришли! — восклицали малые дети.
Взволнованные, все оставили свои костры и гамаки и собрались вокруг прибывших.

Несмотря на слухи о ководи и чужих, Нива никогда не пытался себе представить, как выглядят белые. Мужчины в деревянной пчеле были слишком далеко, чтобы можно было их увидеть. Теперь он просто стоял и смотрел на обеих белых женщин, которые стояли перед ними на просеке. У них были каштановые волосы, как речная вода после ужасного грома, но их лица не были чисто белыми, в них просто было слишком мало краски, как у больного. «Нет, это не совсем правильно. У них просто бледные лица», — думал Нива, когда он пытался сохранить место в первом ряду среди множества людей, собравшихся посмотреть двоих женщин.
— Вот удивительно! — громко сказал Нива. — Посмотрите на них.
На плечах одного индейца качуа сидела маленькая девочка, ей было не больше трех лет. Ее кожа была такой же бледной, как у женщин, но волосы были светлыми, как солнце, и волнистыми, как облака. Ее глаза сияли синевой, как ясное небо. Нива не мог поверить своим глазам. Чтобы увидеть ее, стоило вернуться в Тиваено. Она была лучше всех редких птиц в джунглях вместе взятых.
Вдруг послышался громкий крик, и кто-то стал протискиваться вперед
— Моя Даума, моя Даума! — все снова повторяла она, а из глаз ручьем текли слезы. — Наконец ты дома.
Нива протиснулся вперед, чтобы лучше разглядеть эту чужую. Была ли она действительно

его старшей сестрой? Нива обнаружил, что он вообще не может вспомнить, как она выглядела перед тем, как убежала от них. Он думал, что вспомнит ее, но это было только плодом его фантазии — сохранить в голове образ своей пропавшей сестры.
Эта женщина носила одежду, как белые женщины, но ее волосы были обрезаны по обычаю аука, а мочки ушей свисали вниз длинной петлей, что говорило о том, что они были обработаны бальзамовой шайбой, как было принято в их племени. Чем дольше он смотрел в лицо Даумы, тем больше находил сходства со своей семьей. Он посмотрел на ГиМэри. Она смущенно улыбалась и медленно протискивалась вперед, держа на бедре своего малыша. Ниве вдруг так захотелось, чтобы и Нампа был в живых. Он бы наверняка вспомнил ее.
В этот вечер праздновали большой праздник — необычное событие для аука. На праздник были приглашены даже индейцы качуа, пришедшие с белыми женщинами, хотя они очень боялись и хотели скорее уйти. Нива хорошо понимал их. В течение многих лет аука убили многих индейцев качуа и редко разрешали им ступать на свою территорию. Но Даума — Нива медленно привыкал к мысли, что это его сестра, — не раз повторяла, что им нечего бояться. Завтра они могут пойти домой. Даума выучила язык белых и представила их на празднике.
— Эта женщина самая большая, это Элизабет Эллиот. Я называю ее Гикари.

— Гикари, — пробормотал Нива. На языке аука это слово означает «дятел». Он удивился, почему у нее такое имя.

Затем лицо Даумы стало серьезным, комок подступил к ее горлу, и ей трудно было говорить дальше.

— Так как она любит своего мужа, которого вы убили, она пришла, чтобы рассказать вам о любви Божьей, — наконец сказала она дрожащим голосом.

Все молчали. Было так тихо, что можно было слышать потрескивание костра и жужжание насекомых в джунглях. У аука было слово, которое означало Бога. Они верили, что Он сотворил всех людей. Но мысль, что Он любит их, была совершенно новой для них. Нива не мог вместить ее. Но, несмотря на это, эта весть имела почти ощутимое действие, особенно когда он думал о духовных созданиях, которые витали над мертвыми телами белых мужчин на реке Курарае. Наверное, Бог любил их.

Наконец Гикита прервал молчание:

— Ты говоришь, что эта большая женщина была замужем за одним из ководи, которых мы убили на реке Курарае?

— Они не были ководи. Они не ели людей. Они были чужими для вас, но никогда не ели людей. Это были хорошие люди, — поправила Даума.

Гикита кивнул.

— Но является ли эта женщина женой одного из этих мужчин?

— Да, ответила Даума. — Его звали Джим

Эллиот. Та маленькая девочка его дочь Валерия.

Она обратилась ко второй женщине и продолжала:

— А эта женщина, с зачесанными назад волосами, — Рахиль Саинт. Я зову ее Ниму.

«Ниму — звезда, — подумал Нива, — это хорошее имя».

— Это сестра мужчины, который летал на желтой деревянной пчеле, — продолжала Даума. — Его звали Нейт… Нейт Саинт.

Все молчали. Они знали, что он тоже был убит там, на реке Курарае. Они убили и желтую деревянную пчелу, так что она не могла больше летать.

Аука, которые до сих пор не могли оторвать глаз от белых людей, виновато смотрели теперь на землю, разглядывая свои пальцы. Наконец Гикита спокойно сказал:

— Нехорошо было с нашей стороны убивать их. В этом не было необходимости.

Белые женщины заулыбались, лед был сломлен, и праздник продолжался далеко за полночь.

У аука не было никакого страха перед этими незнакомцами. Наверняка две женщины и маленький ребенок пришли не для того, чтобы мстить. И все же они никак не могли понять, зачем они пришли жить с ними. Женщины долгое время сидели и рисовали на белых листах значки. Иногда они пытались объяснить, что они делают, но они не могли так хорошо говорить. Даума сказала, что им нужно

обрезать волосы над ушами, чтобы они лучше могли слышать. Ведь нужно хорошо слышать, чтобы правильно говорить.

Нива часто приходил в дом белых женщин. Он охотно наблюдал за ними. Но всё, что они делали, казалось удивительным. На теле они носили одежду, даже на ногах. Они не садились, чтоб варить у костра, вместо этого они нагибались или становились на колени на землю. Иногда они показывали на что-то — на копьё, на кружку, на дождь или на двух ссорящихся детей и спрашивали его:

— Каким словом это назвать?

И затем они снова рисовали чёрные значки на белых листах.

Нива тоже задавал вопросы:

— Зачем вы трёте ваши зубы этой палочкой? Что вы носите на ногах? Зачем вы делаете значки на листах?

Однажды Ниму сказала такое, что Нива, наконец, понял.

— Мы живем здесь, чтобы работать над Божьей зарубкой.

— Божьей зарубкой? — удивленно переспросил Нива.

— Да, Божьи слова… э-э… — она немного подумала, — выраженные в зарубках, чтобы вы знали, что Он сказал.

— Это Он сделал? Он говорил нам?

— Да. Бог так сильно любит аука, что Он хочет дать вам возможность познакомиться с Ним. Поэтому Он оставил Свои слова в зарубках, чтобы каждый узнал о Нем.

Мысль, что Бог любит аука, все еще была непонятной для Нивы. До сих пор никто не говорил ему, что Он любит его. Он знал... по крайней мере, он думал, что мать любит его. Но она и должна его любить, ведь она его мать. Но вообще-то любовь — что-то совершенно редкое в его деревне.

С этого дня Нива приходил каждый день, чтобы разговаривать с Гикари или Ниму. Ему нравилось, когда маленькая Валерия бежала к нему, чтобы показать ему перышко или только подержаться за его руку. Однажды он принес свою трубу и осторожно снял с нее кусок желтой кожи от крыла деревянной пчелы, которую он сохранил. Он показал ее Гикари.

— Я хотел предотвратить убийство, — сказал он со слезами на глазах, — но опоздал. Теперь, когда я верю, что Бог любит меня, я хочу жить так, как Он этого хочет. Но... простит ли Он мне, что я не предотвратил убийство?

— Да, да, Он простит тебе, — сказала Гикари. — Мы все виновны в том, что убили Сына Божьего нашими грехами, и Он простил всем нам.

Это было удивительно и чудесно. Девизом аука была месть, но не прощение. Если аука научатся прощать так же, как Гикари и Ниму простили им убийство пятерых мужчин, это могло бы навсегда изменить их жизнь. Нива размышлял, смогут ли люди его села измениться, ведь прежние пути убийства, мести и вражды почти разрушили село. Им всегда приходилось убегать от кого-то. Постоянно они жили в страхе. Никто

из них не достигал пожилого возраста. «Если мы не встанем на Божий путь, то мы не выживем в джунглях», — думал он.
Его наполнило никогда раньше не знакомое ему чувство счастья. Он понял: «Если мы послушаем этих женщин и будем ходить по Божьим путям, то аука смогут иметь будущее».

Возвращение в Палм-Бич

Субботнее утро перед Пасхой в 1965 году было светлым и прекрасным. Девять лет прошло с тех пор, как людьми из племени аука были убиты пятеро миссионеров. Четырнадцатилетний Стив Саинт был разбужен своим ручным попугаем, который упрямо требовал:

— Дай орехи! Дай орехи! Дай, дай, дай!

Стив проснулся в непривычной подвесной кровати в чужом доме и сразу не мог понять, где он находится. Но потом он вспомнил. Вчера вечером со своей сестрой Кати они приземлились на маленькой полосе в джунглях, недалеко от Тиваено. Они прилетели с тетей Рахиль Саинт и другой миссионеркой, чтобы раздать первые экземпляры Евангелия от Марка на языке аука.

— Дай орехи! Дай орехи! — не отставал попугай.

Стив вздохнул. Иногда он спрашивал себя, зачем он повсюду брал с собой этого попугая, который только и знал, что командовать. Но он знал, почему. Птица напоминала ему об отце, миссионере и пилоте Нейте Саинте.

Стив встал, пошел к своей сумке и проверил ее. Где-то у него были земляные орехи для этого настойчивого попугая, но где? Вдруг птица замолчала. Стив обернулся и увидел перед собой молодого мужчину аука. Он улыбался во весь рот и кормил попугая бананом.

Стив встал, кивнул и поздоровался с ним. Аука тоже поздоровался с ним. Потом он снова стал показывать то на птицу, то на себя и говорил:

— Птица — моя, птица — моя…

Он бурно жестикулировал руками, а в конце распростер руки в стороны, как будто хотел полететь.

Стив позвал тетю Рахиль:

— Он все время говорит: «птица моя» и что-то показывает знаками. Что он хочет сказать?

Рахиль коротко поговорила с молодым человеком на языке аука, а затем познакомила своего племянника с Нивой и объяснила, что раньше, когда он был еще мальчиком, попугай принадлежал ему. Он посадил птицу в клетку и послал белым людям. Нива был так рад снова увидеть попугая, что он вновь и вновь благодарил Стива, что тот привез его с собой.

Высокий, крепкий блондин Стив крепко пожал руку молодому аука. Они оба усердно жестикулировали, пытаясь объяснить, что попугай принадлежит им обоим.

— Завтра у Нивы особенно радостный день, — позднее объяснила Рахиль. — Он уже давно верующий и на Пасху принимает крещение. Мы все пойдем к реке Курарай — крещение будет там. Я узнала об этом только вчера вечером. Надеюсь, что тебе будет не очень тяжело пойти на крещение?

Стив нахмурил лоб. Он был не готов к этому.

— Мне очень жаль, — сказала его тетя. — Я думала, мы будем здесь праздновать только

праздник Пасхи. Но пастор Кимо уже все распланировал.
У Стива комок подступил к горлу. Река Курарай… там был убит его отец. Он еще не был уверен, что сможет пойти туда… по крайней мере, не сейчас. Достаточно было прийти в это село, в котором еще живут люди, убившие его отца. Он знал, что его тетя Рахиль и Элизабет Эллиот принесли им Евангелие, и многие из них покаялись. Он им тоже простил. Но посетить могилу отца? Это ему казалось почти невозможным.
После того, как отец и другие миссионеры были убиты, солдаты из Эквадора и представители миссионерского общества нашли место гибели — пятерых мертвых мужчин в реке рядом с разрушенным самолётом. Поговорив с женами миссионеров, они решили похоронить братьев под домиком, построенным на дереве, в Палм-Бич. Но Стив еще никогда не видел этой могилы. Когда-нибудь он хотел это сделать… но не вместе с людьми, которые убили его отца.
Элизабет Эллиот и ее маленькая дочь Валерия уже два года жили у аука, и Элизабет рассказывала им об Иисусе Христе. Рахиль Саинт была здесь еще дольше и с помощью Даумы выучила их язык, создала алфавит и учила людей читать. Затем она начала перевод Нового Завета. Теперь уже в Тиваено была не только живая церковь, но люди желали иметь Слово Божье на своем языке, чтобы читать самим.

Первым христианином из аука стал Кимо. Теперь он был уже пастором в церкви аука. Когда жители деревни пошли в пасхальное воскресенье на реку Курарай, их сопровождали Стив и Кати. Стив не только решил пойти с ними, но принял еще и другое решение.
Он уже давно принял Иисуса Христа в свое сердце, но еще не был крещен. Но когда он размышлял о прежних дикарях, которые своей жестокостью и войнами почти истребили себя и которых Евангелие сохранило от вымирания, он совершенно по-новому ощутил любовь Божью. Он прошел через село, увидел семьи и маленький дом, который служил церковью и школой. Он слышал поющих детей и знал, что им не нужно больше бояться внезапных нападений. Он познакомился с Гикитой, который был теперь самым старым мужчиной аука, хотя ему было только пятьдесят. В деревне царил мир.
Все это помогло Стиву понять то, что раньше никак не укладывалось в его голове: почему его отец рисковал своей жизнью, чтобы принести Евангелие этим людям. С этим пониманием в его сердце пришло и глубокое прощение для этих людей, убивших человека, которого он очень любил.
Он поехал сюда не только посмотреть Палм-Бич, но и молился с Кати о том, чтобы вместе с аука принять крещение.
Палм-Бич — узкая полоска песка вдоль реки Курарай в джунглях Эквадора. Группа людей молча вышла из тенистых джунглей на солнечный берег неглубокой реки. В это пасхальное

утро в Палм-Бич были крещены пять человек. Трое из них были аука: Нива и двое молодых людей — Онкай и Инива. А двое других были дети Нейта Саинта — Стив и Кати.

Крещение проводил пастор Кимо, который девять лет назад именно на этом месте помогал убивать миссионеров. После этого все пошли к могиле миссионеров под высоким деревом, и Кимо молился:

— Господи, много лет назад, когда мы Тебя еще не знали, мы согрешили здесь. Теперь, когда мы поверили Тебе, мы встретимся с Тобой в небе!

Некоторые подробности о мучениках в Эквадоре

Имя «аука» означает «дикий». Так индейцы качуа называли своих живущих обособленно соседей. В то время такое название абсолютно соответствовало истине. Аука убивали не только чужих, приближающихся к ним, но и жизнь собственного племени была отмечена различного рода враждой и распрями, убийствами из мести, доходя порой до привычки погребать живого ребенка с мертвыми родителями.

Эти люди не имели никаких праздников. У них также не было религии, кроме всеобщего страха перед духами джунглей. У них не было законов, никакого уважения к старшим или вождям. Все области жизни контролировало грубое насилие. У них ни с кем не было добрососедских отношений, а общей работой была только охота. Они соблюдали многие табу, у них не было своей письменности, а только некоторые передаваемые устно истории и традиции.

Весь социальный порядок, то есть цивилизация, был им незнаком, так что им грозило вымирание, независимо от того, тревожили их искатели нефти или нет.

Но сами себя они называли «ваорани» (иногда хуорани), что означало «люди». Бог так любил их, что послал к ним пятерых братьев, которые стали известны как пять мучеников из Эквадора.

Когда 8 января 1956 года в джунглях Эквадора были убиты пятеро миссионеров, это намного больше всколыхнуло многих молодых людей и побудило отдать свою жизнь на служение Господу, чем любое другое событие во второй половине XX века.
Об их смерти тут же узнали родные и друзья. Один радист на Северном полюсе 7 января услышал сообщение Нейта Саинта своей жене, что они скоро встретятся с аука. На другой день мужчина опять включил радио и установил, что от Нейта не было никакого сообщения. Тринадцать лет назад в Боливии тоже были убиты пятеро миссионеров. Без радиосвязи и прямого обслуживания самолётом прошло долгих три года, пока стало возможным узнать что-то об их судьбе. Операция «Аука» в Эквадоре была первым событием, когда об убийстве христиан через несколько часов узнали во всем мире. Радиосвязь тут же сообщила об этом миссионерскому обществу и правительству, и на следующий же день была выслана группа поиска. Репортер газеты «Таймс» и фотограф из журнала «Время» были командированы на место происшествия, пока весь мир ждал новостей.
Большое влияние имело описание характерных особенностей этих молодых мужчин. Другие, конечно, были не менее верными в своем служении, но сообщение так задевало за живое, что казалось, будто эти пятеро братьев стали близки всем настолько, как если бы их уже давно все знали. На всех христиан произвели

большое впечатление отрывки из личного дневника Джима Эллиота, как например: «Тот не безумный, кто отдает то, что не может удержать, чтобы приобрести то, что нельзя потерять», или «Я не ищу долгой жизни, но насыщенной, как Ты, Иисус Христос».
Трое из них только что окончили Витонский университет: Нейт Саинт, Джим Эллиот и Эд Мак-Килли. Роджер Юдериан окончил университет в Миннеаполисе. Пит Флеминг только что получил звание магистра в университете в Вашингтоне. Это были люди, судьбы которых были похожи на судьбы многих людей. Их жертва оставила пятерых вдов и девять сирот. Естественно, у многих молодых христиан возникла мысль: «Я мог бы быть на их месте… Может, и мне нужно пойти!»
Повсюду в мире сотни молодых людей из христианских школ и университетов вызвались идти на служение на миссионерские поля, чтобы встать на место пятерых убитых. Это событие побудило многих пойти по следам Иисуса Христа, в частности, писателя и пастора Чарли Свиндола, а также проповедника и автора многих христианских книг Джоша Мак-Дауэлла.
Но самыми смелыми последователями были Элизабет Эллиот и Рахиль Саинт — жена и сестра двоих убитых братьев, которые через два года после убийства пришли в это племя. Элизабет взяла даже с собой свою трехлетнюю дочь Валерию и была там больше двух лет. Рахиль жила с ними тридцать четыре года, пока слабое здоровье не вынудило её оставить

их. Такое отношение очень ободряло индейцев. Аука часто вспоминали и говорили о ководи, прилетавших к ним в желтой деревянной пчеле. Многим до сих пор было непонятно: почему белые мужчины не использовали для защиты оружие? Что это было за пение и свечение, которое они видели на небе после смерти этих пятерых братьев (феномен, о котором писали Оливе Флеминг в 1990 году и Стив Саинт в 1996 году)? Аука убедились в том, что миссионеры были мирно настроены к ним. Их смерть вызвала у них много вопросов и произвела в них необычные перемены.

Так сердца их открылись для Евангелия, которое принесли им Элизабет Эллиот и Рахиль Саинт, и шаг за шагом почти все племя обратилось ко Христу.

Иногда миссионеров обвиняют в том, что они разрушают древнюю культуру и что западная культура может сделать то, чего не может достичь Евангелие. Но обращение аука ко Христу сохранило их от полного вымирания. Они не только уничтожали друг друга в распрях и в актах мести, но были также легкой добычей в руках бессовестных бизнесменов, которым нужны были сокровища джунглей — золото, нефть, резина и земля.

А после принятия христианской веры, когда они научились читать и писать, жизнь индейцев в корне изменилась. Раньше дети в большинстве жили в семьях без отцов и дядей. Теперь же многие дети имели дедушек и бабушек и даже прадедушек и прабабушек.

Пример этому — Гикита, которому в момент убийства братьев было сорок лет, и он считался старейшим в племени. В то время в селе было лишь семеро взрослых мужчин. Мир, подаренный Евангелием, помог Гиките дожить до восьмидесяти лет. Он умер 11 февраля 1997 года.

Эти пятеро братьев-мучеников жили в полном смысле слова по Евангелию. Как Иисус Христос, они отдали свою жизнь, чтобы другие могли жить.

